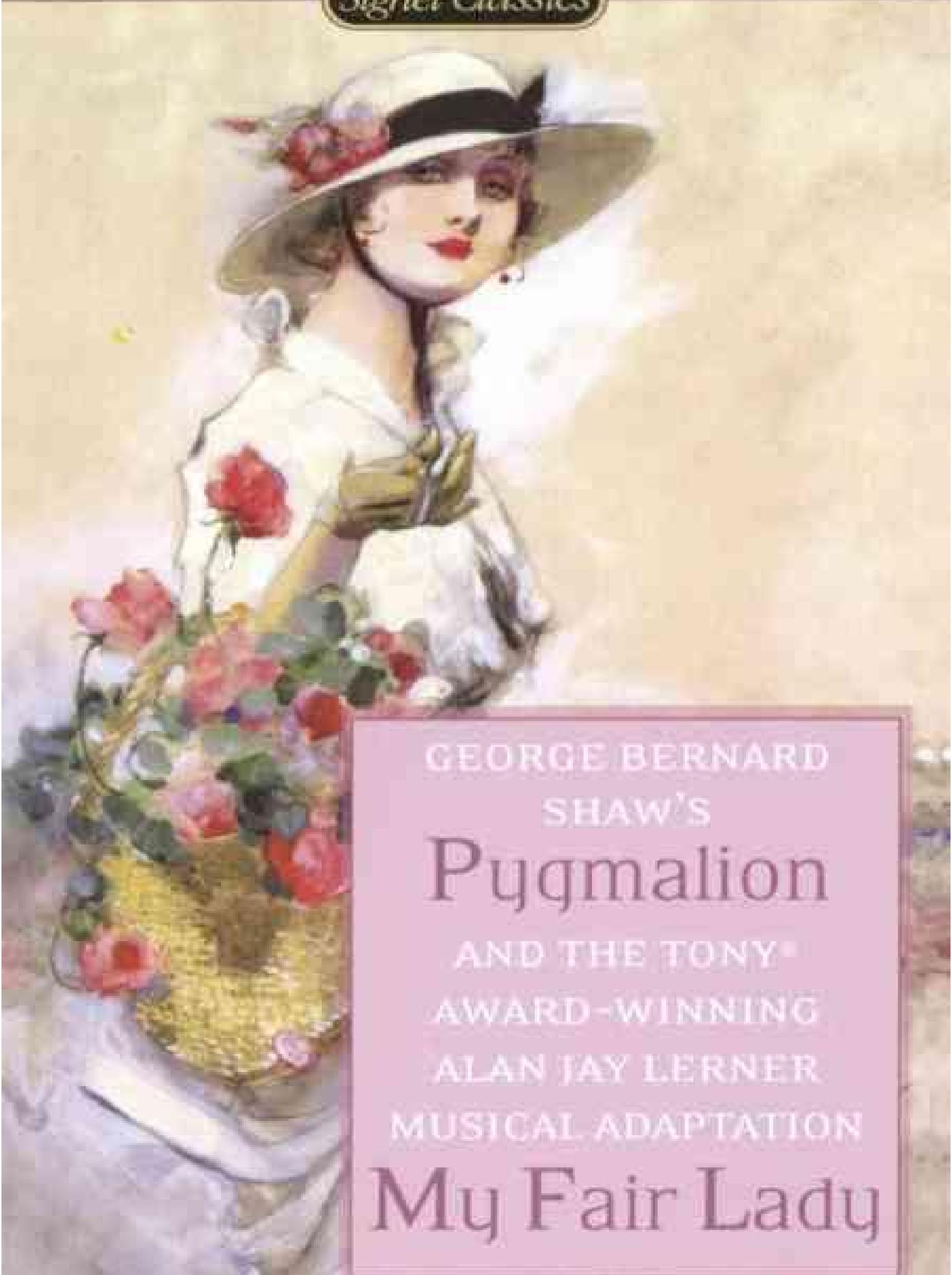

50TH ANNIVERSARY EDITION

Signet Classics

A detailed illustration of a woman in early 20th-century fashion. She wears a wide-brimmed white hat with a black band and a large white feather. Her dress is white with ruffled shoulders and a high collar. She is holding a large, overflowing basket of red roses. The background is a soft, light-colored wash.

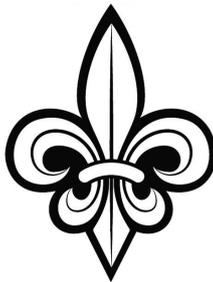
GEORGE BERNARD
SHAW'S
Pygmalion
AND THE TONY®
AWARD-WINNING
ALAN JAY LERNER
MUSICAL ADAPTATION
My Fair Lady

Бернард Шоу

Пигмалион

Роман в пяти действиях

Крупнейший английский драматург конца XIX - первой половины XX в. Джордж Бернард Шоу (1856-1950) в своих произведениях выступает как мастер интеллектуальной драмы-дискуссии, построенной на острых диалогах, полной парадоксальных ситуаций, разрушающей все традиционные представления о театре. Его пьесы бичуют политическую реакцию, нормативную мораль, лицемерие, ханжество. В 1925 г. писателю была присуждена Нобелевская премия.

Бернард Шоу Пигмалион

Роман в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ковент-гарден . Летний вечер. Дождь как из ведра. Со всех сторон отчаянный рев автомобильных сирен. Прохожие бегут к рынку и к церкви св. Павла, под портиком которой уже укрылось несколько человек, в том числе пожилая дама с дочерью, обе в вечерних туалетах. Все с досадой всматриваются в потоки дождя, и только один человек, стоящий спиной к остальным, по-видимому, совершенно поглощен какими-то отметками, которые он делает в записной книжке. Часы бьют четверть двенадцатого.

Дочь (*стоит между двумя средними колоннами портика, ближе к левой*). Я больше не могу, я вся продрогла. Куда девался

Фредди? Полчаса прошло, а его все нет.

Мать (*справа от дочери*). Ну, уж не полчаса. Но все-таки пора бы ему привести такси.

Прохожий (*справа от пожилой дамы*). Это вы и не надейтесь, леди: сейчас ведь все из театров едут; раньше половины двенадцатого ему такси не достать. Мать. Но нам необходимо такси. Не можем же мы стоять здесь до половины двенадцатого. Это просто возмутительно.

Прохожий. Да я-то тут при чем?

Дочь. Будь у Фредди хоть капля сообразительности, он взял бы такси у театра.

Мать. Чем он виноват, бедный мальчик?

Дочь. Другие ведь достают. Почему же он не может?

Со стороны Саутгемптон-стрит влетает Фредди и становится между ними, закрыв зонтик, с которого стекает вода. Это молодой человек лет двадцати; он во фраке, брюки у него внизу совершенно мокрые.

Дочь. Так и не достал такси?

Фредди. Нет нигде, хоть умри.

Мать. Ах, Фредди, неужели совсем, совсем нет? Ты, наверно, плохо искал.

Дочь. Безобразие. Уж не прикажешь ли нам самим идти за такси?

Фредди. Я же вам говорю, нигде ни одного нет. Дождь пошел так неожиданно, всех застигло врасплох, и все бросились к такси. Я прошел до самого Чэринг-кросс, а потом в другую сторону, почти до Ледгейт-цирка, и ни одного не встретил.

Мать. А на Трафальгар-сквер был?

Фредди. На Трафальгар-сквер тоже ни одного нет.

Дочь. А ты там был?

Фредди. Я был на Чэрингкросском вокзале. Что ж ты хотела, чтоб я до Гаммерсмита маршировал под дождем?

Дочь. Нигде ты не был!

Мать. Правда, Фредди, ты как-то очень беспомощен. Ступай снова и без такси не возвращайся.

Фредди. Только зря вымокну до нитки.

Дочь. А что же нам делать? По-твоему, мы всю ночь должны простоять здесь, на ветру, чуть не нагишом? Это свинство, это эгоизм, это...

Фредди. Ну, ладно, ладно, иду. (*Раскрывает зонтик и бросается в сторону Стрэнда, но по дороге налетает на уличную цветочницу, торопящуюся укрыться от дождя, и вышибает у нее из рук корзину с цветами.*)

В ту же секунду сверкает молния, и оглушительный раскат грома как бы аккомпанирует этому происшествию.

Цветочница. Куда прешь, Фредди! Возьми глаза в руки!

Фредди. Простите. *(Убегает.)*

Цветочница *(подбирает цветы и укладывает их в корзинку)*. А еще образованный! Все фиалочки в грязь затоптал. *(Усаживается на плинтус колонны справа от пожилой дамы и принимается отряхивать и расправлять цветы.)*

Ее никак нельзя назвать привлекательной. Ей лет восемнадцать – двадцать, не больше. На ней черная соломенная шляпа, сильно пострадавшая на своем веку от лондонской пыли и копоти и едва ли знакомая со щеткой. Волосы ее какого-то мышиного цвета, не встречающегося в природе: тут явно необходимы вода и мыло. Порыжелое черное пальто, узкое в талии, едва доходит до колен; из-под него видна коричневая юбка и холщовый фартук. Башмаки, видно, тоже знали лучшие дни. Без сомнения, она по-своему чистоплотна, однако рядом с дамами решительно кажется замарашкой. Черты лица у нее недурны, но состояние кожи оставляет желать лучшего; кроме того, заметно, что она нуждается в услугах дантиста.

Мать. Позвольте, откуда вы знаете, что моего сына зовут Фредди?

Цветочница. А, так это ваш сын? Нечего сказать, хорошо вы его воспитали... Разве это дело? Раскидал у бедной девушки все цветы и смылся, как миленький! Теперь вот платите, мамаша!

Дочь. Мама, надеюсь, вы не сделаете ничего подобного. Еще недоставало!

Мать. Подожди, Клара, не вмешивайся. У тебя есть мелочь?

Дочь. Нет. У меня только шестипенсовик.

Цветочница *(с надеждой)*. Вы не беспокойтесь, у меня найдется сдачи.

Мать *(дочери)*. Дай сюда.

Дочь неохотно расстаётся с монетой.

Так. *(Девушке.)* Вот вам за цветы, моя милая.

Цветочница. Дай вам бог здоровья, леди.

Дочь. Возьмите у нее сдачи. Эти букетики стоят не больше пенни.

Мать. Клара, тебя не спрашивают. *(Девушке.)* Сдачи не надо.

Цветочница. Дай вам бог здоровья.

Мать. А теперь скажите мне, откуда вы знаете, как зовут этого молодого человека?

Цветочница. А я и не знаю.

Мать. Я слышала, как вы его называли по имени. Не пытайтесь обмануть меня.

Цветочница. Очень мне нужно вас обманывать. Я просто так сказала. Ну, Фредди, Чарли – надо же как-нибудь назвать человека, если хочешь быть вежливым. *(Усаживается возле своей корзины.)*

Дочь. Зря выбросили шесть пенсов! Право, мама, уж от этого вы могли бы Фредди избавить. *(Брезгливо отступает за колонну.)*

Пожилый джентльмен – приятный тип старого армейца – взбегаёт по ступеням и закрывает зонтик, с которого течет вода. У него, так же как у Фредди, брюки внизу совсем мокрые. Он во фраке и легком летнем пальто. Становится на свободное место у левой колонны, от которой только что отошла дочь.

Джентльмен. Уфф!

Мать *(джентльмену)*. Скажите, пожалуйста, сэр, все еще не видно никакого просвета?

Джентльмен. К сожалению, нет. Дождь только что полил еще сильнее. *(Подходит к тому месту, где сидит цветочница, ставит ногу на плинтус и, нагнувшись, подвертывает мокрую штанину.)*

Мать. Ах, боже мой! *(Жалобно вздыхает и отходит к дочери.)*

Цветочница *(спешит воспользоваться соседством пожилого джентльмена, чтобы установить с ним дружеские отношения)*. Раз полил сильнее, значит скоро пройдет. Не расстраивайтесь, кэптен, купите лучше цветочек у бедной девушки.

Джентльмен. Сожалею, но у меня нет мелочи.

Цветочница. А я вам разменяю, кэптен.

Джентльмен. Соверен? У меня других нет.

Цветочница. Ух ты! Купите цветочек, кэптен, купите. Полкроны я могу разменять. Вот возьмите этот – два пенса.

Джентльмен. Ну, девочка, только не приставай, я этого не люблю. *(Роется в карманах.)* Право же, нет мелочи... Погодите, вот полтора пенса, если это вас устроит... *(Отходит к другой колонне.)*

Цветочница *(она разочарована, но все-таки решает, что полтора пенса лучше, чем ничего)*. Спасибо вам, сэр.

Прохожий *(цветочнице)*. Ты смотри, взяла деньги, так дай ему цветок, а то вон тот тип стоит и записывает каждое твое слово.

Все оборачиваются к человеку с записной книжкой.

Цветочница *(вскакивает в страхе)*. А что же я такого сделала, если поговорила с джентльменом? Продавать цветы не запрещается. *(Плаксиво.)* Я честная девушка! Вы все видели, я только попросила его купить цветочек.

Общий шум; большинство публики настроено сочувственно к цветочнице, но не одобряют ее чрезмерную впечатлительность. Пожилые и солидные успокоительно треплют ее по плечу, подбодряя репликами вроде: – Ну-ну, не реви! – Кому ты нужна, никто тебя не тронет. – Нечего скандал поднимать. – Успокойся. – Будет, будет! – и т.д. Менее терпеливые цыкают на нее и сердито спрашивают, чего собственно она орет? Те, которые стояли поодаль и не знают, в чем дело, протискиваются поближе и еще увеличивают шум расспросами и объяснениями: – Что случилось? – Что она сделала? – А он где? – Да вот засыпалась. – Как, вон тот? – Да, да, стоит у колонны. Она у него деньги выманила, – и т.д. Цветочница, оглушенная и растерянная, пробирается сквозь толпу к пожилому джентльмену и жалобно кричит.

Цветочница. Сэр, сэр, скажите ему, чтобы он на меня не заявлял. Вы не знаете, чем это пахнет. За приставање

к джентльменам у меня отберут свидетельство, выкинут меня на улицу. Я...

Человек с записной книжкой подходит к ней справа, и за ним теснятся все остальные.

Человек с записной книжкой. Но-но-но! Кто вас трогал, глупая вы девушка? За кого вы меня принимаете?

Прохожий. Все в порядке. Это джентльмен – обратите внимание на его ботинки. *(Человеку с записной книжкой, пояснительно.)* Она думала, сэр, что вы шпик.

Человек с записной книжкой *(с интересом)*. А что это такое – шпик?

Прохожий *(теряясь в определениях)*. Шпик – это... ну, шпик, и все тут. Как же иначе сказать? Ну, сыщик, что ли.

Цветочница *(все еще плаксиво)*. Вот хоть на библии поклясться, не говорила ему ничего!...

Человек с записной книжкой *(повелительно, но без злобы)*. Да замолчите же вы наконец! Разве я похож на полицейского?

Цветочница *(далеко не успокоенная)*. А зачем же вы все записывали? Почему я знаю, правду вы записали или нет? Вот покажите, что у вас там про меня написано.

Он раскрывает свою записную книжку и несколько секунд держит ее перед носом девушки; при этом толпа, силясь заглянуть через его плечо, напирает так, что более слабый человек не удержался бы на ногах.

Это что такое? Это не по-нашему написано. Я тут ничего не разберу.

Человек с записной книжкой. А я разберу. *(Читает, в точности подражая ее выговору.)* Ни расстраивайтесь, кэптен; купите лучши цвиточик у бедны девушки.

Цветочница *(в испуге)*. Это что я его назвала «кэптен»? Так я же ничего дурного не думала. *(Джентльмену.)* Ой, сэр, скажите ему, чтобы он на меня не заявлял. Скажите...

Джентльмен. Как заявлял? Не нужно ничего заявлять. *(Человеку с записной книжкой.)* В самом деле, сэр, если вы детектив и хотели оградить меня от уличных приставаний, то заметьте, что я вас об этом не просил. У девушки ничего дурного не было на уме, всякому

ясно.

Голоса в толпе (*выражая общий протест против системы полицейского сыска*). И очень даже просто! – Вам-то что до этого? Вы знайте свое дело. – Верно, выслужиться захотел. – Где это видано, записывать за человеком каждое слово! – Девушка с ним и не заговаривала. – А хоть бы и заговорила! – Хорошее дело, уже нельзя девушке спрятаться от дождя, чтоб не нарваться на оскорбление... (*И т. д. и т. п.*)

Наиболее сочувственно настроенные ведут цветочницу обратно к колонне, и она снова усаживается на плинтус, стараясь побороть свое волнение.

Прохожий. Да он не шпик. Просто въедливый тип какой-то, вот и все. Я вам говорю, обратите внимание на ботинки.

Человек с записной книжкой (*обернувшись к нему, весело*). Кстати, как поживают ваши родственники в Селси?

Прохожий (*подозрительно*). Откуда вы знаете, что мои родственники живут в Селси?

Человеку записной книжкой. Не важно, откуда. Но ведь это так? (*Цветочнице*.) А вы как попали сюда, на восток? Вы ведь родились в Лиссонгров.

Цветочница (*с испугом*). Что ж тут дурного, если я уехала из Лиссонгров? Я там в такой конуре жила, хуже собачьей, а плата – четыре шиллинга шесть пенсов в неделю... (*Плачет*.) Ой-о-о-ой...

Человек с записной книжкой. Да живите вы где хотите, только перестаньте ныть.

Джентльмен (*девушке*). Ну полно, полно! Он вас не -тронет; вы имеете право жить где вам заблагорассудится.

Саркастически настроенный прохожий (*протискиваясь между человеком с записной книжкой и джентльменом*). Например, на Парк-лэйн. Послушайте, я бы не прочь потолковать с вами о жилищном вопросе.

Цветочница (*пригорюнившись над своей корзиной, обиженно бормочет себе под нос*). Я не какая-нибудь, я честная девушка.

Саркастический прохожий (*не обращая на нее внимания*). Может быть, вы знаете, откуда я родом?

Человек с записной книжкой (*без запинки*). Из Хокстона.

Смешки в толпе. *Общий интерес к фокусам человека с записной книжкой явно возрастает.*

Саркастический прохожий (*удивленно*). Черт возьми! Так и есть. Слушайте, да вы в самом деле всезнайка.

Цветочница (*все еще переживая свою обиду*). И никакого он права не имеет лезть! Да, никакого права...

Прохожий (*цветочнице*). Факт, никакого. И ты ему так не спускай. (*Человеку с записной книжкой*.) Послушайте, по какому это вы праву все знаете о людях, которые не желают иметь с вами дела? Есть у вас письменное разрешение?

Несколько человек из толпы (*видимо, ободренные этой юридической постановкой вопроса*). Да, да, есть у вас разрешение?

Цветочница. А пускай его говорит, что хочет. Не стану я с ним связываться.

Прохожий. Все потому, что мы для вас – тьфу! Пустое место. С джентльменом вы бы себе таких штук не позволили.

Саркастический прохожий. Да, да! Если уж вам пришла охота поворожить, скажите-ка – откуда вот он взялся?

Человек с записной книжкой. Челтенхем, Харроу, Кембридж, а впоследствии Индия.

Джентльмен. Совершенно верно.

Общий хохот. Теперь сочувствие явно на стороне человека с записной книжкой. Восклицания вроде: – Все знает! – Так прямо и отрезал. – Слыхали, как он этому длинному расписал, откуда он? – и т.д.

Простите, сэр, вы, вероятно, выступаете с этим номером в мюзик-холле?

Человек с записной книжкой. Пока нет. Но я уже подумывал об этом. *Дождь перестал;*

толпа понемногу начинает расходиться.

Цветочница (*недовольная переменой общего настроения в пользу обидчика*).
Джентльмены так не делают, да, не обижают бедную девушку!

Дочь (*потеряв терпение, бесцеремонно проталкивается вперед, оттеснив пожилого джентльмена, который вежливо отступает за колонну*). Но где же, наконец, Фредди? Я рискую схватить воспаление легких, если еще постою на этом сквозняке.

Человек с записной книжкой (*про себя, поспешно делая отметку в своей книжке*).
Эрлскорт.

Дочь (*гневно*). Прошу вас держать ваши дерзкие замечания при себе.

Человек с записной книжкой. А я разве сказал что-нибудь вслух? Прошу извинить меня. Это вышло невольно. Но ваша матушка, несомненно, из Эпсома.

Мать (*становится между дочерью и человеком с записной книжкой*). Скажите как интересно! Я действительно выросла в Толсталеде-парк близ Эпсома.

Человек с записной книжкой (*шумно хохочет*). Ха-ха-ха! Ну и название, черт дер! Простите. (*Дочери.*) Вам, кажется, нужно такси?

Дочь. Не смейте обращаться ко мне!

Мать. Прошу тебя, Клара!

Дочь *вместо ответа сердито пожимает плечами и с надменным выражением отходит в сторону.*

Мы были бы вам так признательны, сэр, если б вы нашли для нас такси.

Человек с записной книжкой *достаёт свисток.*

О, благодарю вас. (*Идет за дочерью.*)

Человек с записной книжкой *издает пронзительный свист.*

Саркастический прохожий. Ну вот вам. Я же говорил, что это переодетый шпик.

Прохожий. Это не полицейский свисток; это спортивный свисток.

Цветочница (*все еще страдая от оскорбления, нанесенного ее чувствам*). Не смеет он у меня отбирать свидетельство! Мне так же нужно свидетельство, как и всякой леди.

Человек с записной книжкой. Вы, может быть, не заметили – дождь уже минуты две как перестал.

Прохожий. А ведь верно. Что же вы раньше не сказали? Мы бы не теряли тут время, слушая ваши глупости! (*Уходит по направлению к Стрэнду.*)

Саркастический прохожий. Я вам скажу, откуда вы сами. Из Бидлама. Вот и сидели бы там.

Человек с записной книжкой (*услужливо*). Бедлама.

Саркастический прохожий (*стараясь весьма изысканно произносить слова*). Спасибо, господин учитель. Ха-ха! Будьте здоровы. (*С насмешливой почтительностью притрагивается к шляпе и уходит.*)

Цветочница. Зря только людей пугает. Самого бы его пугнуть как следует!

Мать. Клара, уже совсем прояснилось. Мы можем дойти до автобуса. Идем. (*Подбирает юбку и торопливо уходит в сторону Стрэнда.*)

Дочь. Но такси...

Мать *уже не слышит ее.*

Ах, как все это скучно! (*Сердито идет за матерью.*)

Все уже разошлись, и под портиком остались только человек с записной книжкой, пожилой джентльмен и цветочница, которая возится со своей корзинкой и по-прежнему бормочет что-то себе в утешение.

Цветочница. Бедная ты девушка! И так жизнь нелегкая, а тут еще всякий измывается.

Джентльмен (*вернувшись на прежнее место – слева от человека с записной книжкой*).
Позвольте спросить, как вы это делаете?

Человек с записной книжкой. Фонетика – и только. Наука о произношении. Это моя профессия и в то же время мой конек. Счастлив тот, кому его конек может доставить средства к жизни! Нетрудно сразу отличить по выговору ирландца или йоркширца. Ноя могу

с точностью до шести миль определить место рождения любого англичанина. Если это в Лондоне, то даже с точностью до двух миль. Иногда можно указать даже улицу.

Цветочница. Постыдился бы, бессовестный!

Джентльмен. Но разве это может дать средства к жизни?

Человек с записной книжкой. О да. И немалые. Наш век – это век выскочек. Люди начинают в Кентиштауне, живя на восемьдесят фунтов в год, и кончают на Парк-лэйн с сотней тысяч годового дохода. Они хотели бы забыть про Кентиштаун, но он напоминает о себе, стоит им только раскрыть рот. И вот я обучаю их.

Цветочница. Занимался бы своим делом, вместо того чтоб обижать бедную девушку...

Человек с записной книжкой (*рассвирепев*). Женщина! Немедленно прекратите это омерзительное нытье или поищите себе приют у дверей другого храма.

Цветочница (*неуверенно-вызывающе*). Я имею такое же право сидеть, тут, как и вы.

Человек с записной книжкой. Женщина, которая издает такие уродливые и жалкие звуки, не имеет права сидеть нигде... вообще не имеет права жить! Вспомните, что вы – человеческое существо, наделенное душой и божественным даром членораздельной речи, что ваш родной язык – это язык Шекспира,¹ Мильтона и Библии! И перестаньте квохтать, как осипшая курица.

Цветочница (*совершенно обалдевшая, не решаясь поднять голову, смотрит на него исподлобья, со смешанным выражением изумления и испуга*). У-у-ааааа-у!

Человек с записной книжкой (*хватаясь за карандаш*). Боже правый! Какие звуки! (*Торопливо пишет; потом откидывает голову назад и читает, в точности воспроизводя то же сочетание гласных*). У-у-ааааа-у!

Цветочница (*представление ей понравилось, и она хихикает против воли*). Ух ты!

Человек с записной книжкой. Вы слышали ужасное произношение этой уличной девчонки? Из-за этого произношения она до конца своих дней обречена оставаться на дне общества. Так вот, сэр, дайте мне три месяца срока, и я сделаю так, что эта девушка с успехом сойдет за герцогиню на любом посольском приеме. Мало того, она сможет поступить куда угодно в качестве горничной или продавщицы, а для этого, как известно, требуется еще большее совершенство речи. Именно такого рода услуги я оказываю нашим новоявленным миллионерам. А на заработанные деньги занимаюсь научной работой в области фонетики и немного – поэзией в мильтоновском вкусе.

Джентльмен. Я сам изучаю индийские диалекты и...

Человек с записной книжкой (*торопливо*). Да что вы? Не знаком ли вам полковник Пикеринг, автор «Разговорного санскрита»?

Джентльмен. Полковник Пикеринг – это я. Но кто же вы такой?

Человек с записной книжкой. Генри Хиггинс, создатель «Универсального алфавита Хиггинса».

Пикеринг (*восторженно*). Я приехал из Индии, чтобы познакомиться с вами!

Хиггинс. Ая собирался в Индию, чтобы познакомиться с вами.

Пикеринг. Где вы живете?

Хиггинс. Уимпол-стрит, двадцать семь-А. Приходите ко мне завтра же. Пикеринг. Я остановился в Карлтон-отеле. Идемте со мной сейчас же, мы еще успеем побеседовать за ужином. Хиггинс. Великолепно.

Цветочница (*Пикерингу, когда он проходит мимо*). Купите цветочек, добрый джентльмен. За квартиру платить нечем.

Пикеринг. Право же, у меня нет мелочи. Очень сожалею.

Хиггинс (*возмущенный ее попрошайничеством*). Лгунья! Ведь вы же сказали, что можете разменять полкроны.

Цветочница (*вскакивая в отчаянии*). Мешок с гвоздями у вас вместо сердца! (*Швыряет корзину к его ногам.*) Нате, черт с вами, берите всю корзину за шесть пенсов!

Часы на колокольне бьют половину двенадцатого.

Хиггинс (*услышав в их бое глас божий, упрекающий его за фарисейскую жестокость*

к бедной девушке). Указание свыше! (Торжественно приподнимает шляпу, затем бросает в корзину горсть монет и уходит вслед за Пикерингом.)

Цветочница (нагибается и вытаскивает полкроны). У-ааа-у! (Вытаскивает два флорина.) Уу-ааа-у! (Вытаскивает еще несколько монет.) Уу-ааааа-у! (Вытаскивает полсоверена.)

У-у-ааааааа-у!!

Фредди (выскакивает из остановившегося перед церковью такси). Достал все-таки! Эй! (Цветочнице.) Тут были две дамы, вы не знаете, где они?

Цветочница. А они пошли к автобусу, когда дождь перестал.

Фредди. Вот это мило! Что же мне теперь с такси делать?

Цветочница (величественно). Не беспокойтесь, молодой человек. Я поеду домой в вашем такси. (Проплывает мимо Фредди к машине.)

Шофер высовывает руку и поспешно прихлопывает дверцу.

(Понимая его недоверие, она показывает ему полную горсть монет.) На смотри, Чарли. Восемь пенсов – это нам нипочем!

Он ухмыляется и открывает ей дверцу.

Энджел-корт, Дрюри-лэйн, против керосиновой лавки. И гони что есть духу. (Садится в машину и с шумом захлопывает дверцу.)

Такси трогается.

Фредди. Вот это да!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Одиннадцать часов утра. Лаборатория Хиггинса на Уимпол-стрит. Это комната в первом этаже, с окнами на улицу, предназначенная служить гостиной. Посередине задней стены – дверь; входя в комнату, вы видите справа у стены две многоярусные картотеки, поставленные под прямым углом. В этом же углу письменный стол, на нем – фонограф, ларингоскоп, набор миниатюрных органных труб, снабженных раздувальными мехами, ряд газовых рожков под ламповыми стеклами, резиновой кишкой соединенных со вводом в стене, несколько камертонов различных размеров, муляж: половины человеческой головы в натуральную величину, показывающий в разрезе голосовые органы, и ящик с восковыми валиками для фонографа.

Посередине правой стены – камин; около него, ближе к двери, – удобное кожаное кресло и ящик с углем. На каминной доске – часы. Между письменным столом и камином – столик для газет.

У противоположной стены, слева от входной двери, – невысокий шкафчик с плоскими ящиками; на нем телефон и телефонный справочник. Весь левый угол в глубине занимает концертный рояль, поставленный хвостом к двери; вместо обычного табурета перед ним скамейка во всю длину клавиатуры. На рояле ваза с фруктами и конфетами.

Середина комнаты свободна от мебели. Кроме кресла, скамейки у рояля и двух стульев у письменного стола, в комнате есть еще только один стул, который не имеет особого назначения и стоит недалеко от камина. На стенах висят гравюры, большей частью Пиранези, и портреты меццо-тинто. Картин нет. Пикеринг сидит за письменным столом и складывает карточки, которые он видимо, только что разобрал. Хиггинс стоит рядом, у картотеки, и задвигает выдвинутые ящики. При дневном свете видно, что это крепкий, полнокровный, завидного здоровья мужчина лет сорока или около того; на нем черный сюртук, какие носят адвокаты и врачи, крахмальным воротничком и черный шелковый галстук. Он принадлежит к энергическому типу людей науки, которые с живым и даже страстным интересом относятся ко всему, что может явиться предметом научного исследования, и вполне равнодушны к вещам, касающимся лично их или окружающих, в том числе к чужим чувствам. В сущности, несмотря на свой возраст и комплекцию, он очень похож на неугомонного ребенка, шумно и стремительно реагирующего на все, что

привлекает его внимание, и, как ребенок, нуждается в постоянном присмотре, чтобы нечаянно не натворить беды. Добродушная ворчливость, свойственная ему, когда он в хорошем настроении, сменяется бурными вспышками гнева, как только что-нибудь не по нем; но он настолько искренен и так далек от злобных побуждений, что вызывает симпатию даже тогда, когда явно не прав.

Хиггинс (*задвигая последний ящик*). Ну вот, как будто и все.

Пикеринг. Удивительно, просто удивительно! Но должен вам сказать, что я и половины не запомнил.

Хиггинс. Хотите, можно кое-какие материалы посмотреть еще раз.

Пикеринг (*встает, подходит к камину и становится перед ним, спиной к огню*). Нет, спасибо, на сегодня хватит. Я уже больше не могу.

Хиггинс (*идет за ним и становится рядом, с левой стороны*). Устали слушать звуки?

Пикеринг. Да. Это требует страшного напряжения. До сих пор я гордился, что могу отчетливо воспроизвести двадцать четыре различных гласных; но ваши сто тридцать меня совершенно уничтожили. Я не в состоянии уловить никакой разницы между многими из них.

Хиггинс (*со смехом отходит к роялю и набивает рот конфетами*). Ну, это дело практики. Сначала разница как будто незаметна; но вслушайтесь хорошенько, и вы убедитесь, что все они так же различны, как А и Б.

В дверь просовывается голова миссис Пирс, экономки Хиггинса.

Что там такое?

Миссис Пирс (*нерешительно; она, видимо, озадачена*). Сэр, вас желает видеть какая-то молодая особа.

Хиггинс. Молодая особа? А что ей нужно?

Миссис Пирс. Простите, сэр, но она утверждает, что вы будете очень рады, когда узнаете, зачем она пришла. Она из простых, сэр. Из совсем простых. Я бы вам не стала и докладывать, но мне пришло в голову – может быть, вы хотите, чтоб она вам наговорила в ваши машины. Возможно, я и ошиблась, но к вам иногда такие странные люди ходят, сэр... надеюсь, вы меня простите...

Хиггинс. Ладно, ладно, миссис Пирс. А что, у нее интересное произношение?

Миссис Пирс. О сэр, ужасное, просто ужасное! Я, право, не знаю, что вы в этом можете находить интересного.

Хиггинс (*Пикерингу*). Послушаем, а? Давайте ее сюда, миссис Пирс. (*Бежит к письменному столу и достает новый валик для фонографа.*)

Миссис Пирс (*лишь наполовину убежденная в необходимости этого*). Слушаю, сэр. Как вам будет угодно. (*Уходит вниз.*)

Хиггинс. Вот это удачно. Вы увидите, как я оформляю свой материал. Мы заставим ее говорить, а я буду записывать – сначала по системе Белла, затем латинским алфавитом, а потом сделаем еще фонографическую запись – так, чтоб в любой момент можно было послушать и сверить звук с транскрипцией.

Миссис Пирс (*отворяя дверь*). Вот эта молодая особа, сэр. В комнату важно входит цветочница. Она в шляпе с тремя страусовыми перьями: оранжевым, небесно-голубым и красным. Передник на ней почти не грязный, истрепанное пальтишко тоже как будто немного почищено. Эта жалкая фигурка так патетична в своей напыщенности и невинном самодовольстве, что Пикеринг, который при входе миссис Пирс поспешил выпрямиться, совсем растроган. Что же до Хиггинса, то ему совершенно все равно, женщина перед ним или мужчина; единственная разница в том, что с женщинами, если он не ворчит и не скандалит по какому-нибудь пустяковому поводу, он заискивающе ласков, как ребенок с нянькой, когда ему от нее что-нибудь нужно.

Хиггинс (*вдруг узнав ее, с разочарованием, которое тут же, чисто по-детски, переходит в обиду*). Да это ведь та самая девушка, которую я вчера записывал. Ну, это неинтересно: лиссонгровского диалекта у меня сколько угодно; не стоит тратить валик. (*Цветочнице.*) Проваливайте, вы мне не нужны.

Цветочница. А вы погодите задаваться! Вы же еще не знаете, зачем я пришла. (*Миссис Пирс, которая стоит у двери, ожидая дальнейших распоряжений.*) Вы ему сказали, что я на такси приехала?

Миссис Пирс. Что за глупости! Очень нужно такому джентльмену, как мистер Хиггинс, знать, на чем вы приехали!

Цветочница. Фу-ты ну-ты, какие мы гордые! Подумаешь, велика птица – учитель! Я сама слышала, как он говорил, что дает уроки. Я не милости просить пришла; а если вам мои деньги не нравятся, могу пойти в другое место.

Хиггинс. Позвольте, кому нужны ваши деньги?

Цветочница. Как кому? Вам. Теперь поняли, наконец? Я желаю брать уроки, затем и пришла. И не беспокойтесь: буду платить сколько полагается.

Хиггинс (*остолбенев*). Что!!! (*Шумно переводя дух.*) Слушайте, вы что собственно думаете?

Цветочница. Я думаю, что вы могли бы предложить мне сесть, если уж вы такой джентльмен! Я же вам говорю, что пришла по делу.

Хиггинс. Пикеринг, как нам быть с этим чучелом? Предложить ей сесть или просто спустить с лестницы?

Цветочница (*в страхе бежит к роялю и забивается в угол.*) У-у-ааааа-у! (*Обиженно и жалобно.*) Нечего обзывать меня чучелом, раз я желаю платить, как всякая леди.

Мужчины, застыв на месте, недоуменно смотрят на нее из противоположного угла комнаты.

Пикеринг (*мягко*). Скажите нам, дитя мое, чего вы хотите?

Цветочница. Я хочу поступить продавщицей в цветочный магазин. Надоело мне с утра до ночи торчать с корзиной на Тоттенхем-Корт-Род. А меня там не берут, им не нравится, как я говорю. Вот он сказал, что мог бы меня выучить. Я и пришла с ним уговориться, – за плату, понятно, мне из милости ничего не надо. А он со мной вот как обращается!

Миссис Пирс. Неужели вы настолько глупы, моя милая, что воображаете, будто вы можете оплатить уроки мистера Хиггинса?

Цветочница. А почему ж это я не могу? Я не хуже вас знаю, почему берут за урок, и я не отказываюсь платить.

Хиггинс. Сколько?

Цветочница (*торжествующе выходит из своего угла*). Ну вот это другой разговор. Я так и думала, что уж, верно, вы не пропустите случая вернуть немножко из того, что набросали мне вчера. (*Понизив голос.*) Маленько под мухой были, а?

Хиггинс (*повелительно*). Сядьте. Цветочница. Только вы не воображайте, мне из милости...

Миссис Пирс (*строго*). Садитесь, моя милая. Делайте то, что вам говорят. (*Берет стул, не имеющий особого назначения, ставит его у камина, между Хиггинсом и Пикерингом, и становится за ним, ожидая, когда девушка сядет.*)

Цветочница. У-у-у-ааааа-у! (*Она не трогается с места, частью из упрямства, частью из страха.*)

Пикеринг (*очень вежливо*). Присядьте, пожалуйста!

Цветочница (*неуверенным тоном*). Что ж, можно и сесть. (*Садится.*)

Пикеринг возвращается на свое прежнее место у камина.

Хиггинс. Как вас зовут?

Цветочница Элиза Дулиттл.

Хиггинс (*торжественно декламирует*). Элиза, Элизабет, Бетси и Бесс. За птичьими гнездами отправились в лес...

Пикеринг. Четыре яичка в гнездышке нашли...

Хиггинс. Взяли по яичку, – осталось там три.

Оба от души хохочут, радуясь собственному остроумию.

Элиза. Хватит вам дурака валять.

Миссис Пирс. Так с джентльменами не говорят, моя милая.

Элиза. А чего он со мной не говорит по-человечески?

Хиггинс. Ладно, к делу. Сколько вы думаете платить мне за уроки?

Элиза. Да уж я знаю, сколько полагается. Одна моя подружка учится по-французски у самого настоящего француза, так он с нее берет восемнадцать пенсов в час. Но с вашей стороны бессовестно было бы столько запрашивать, – ведь то француз, а вы меня будете учить моему родному языку; так что больше шиллинга я платить не собираюсь. Не хотите – не надо.

Хиггинс (*расхаживает по комнате, заложив руки в карманы и побрякивая там ключами и мелочью*). А ведь знаете, Пикеринг, если рассматривать шиллинг не просто как шиллинг, а в процентном отношении к доходам этой девушки, он будет соответствовать шестидесяти или семидесяти гинеям миллионера.

Пикеринг. Как это?

Хиггинс. А вот посчитайте. Миллионер имеет около полутораста фунтов в день. Она зарабатывает около полукроны.

Элиза (*заносчиво*). Кто вам сказал, что я только...

Хиггинс (*не обращая на нее внимания*). Она предлагает мне за урок две пятых своего дневного дохода. Две пятых дневного дохода миллионера составили бы примерно шестьдесят фунтов. Неплохо! Совсем даже неплохо, черт возьми! Такой высокой оплаты я еще никогда не получал.

Элиза (*вскакивает в испуге*). Шестидесят фунтов! Что вы там толкуете? Я вовсе не говорила – шестьдесят фунтов. Откуда мне взять... Хиггинс. Молчите.

Элиза (*плача*). Нет у меня шестидесяти фунтов! Ой-ой-ой!...

Миссис Пирс. Не плачьте, глупая вы девушка. Никто не возьмет ваших денег.

Хиггинс. Зато кто-то возьмет метлу и хорошенько отдубасит вас, если вы сейчас же не перестанете хныкать. Сядьте!

Элиза (*неохотно повинуется*). У-у-ааааа-у! Что вы мне, отец, что ли?

Хиггинс. Я вам хуже отца буду, если решу взяться за ваше обучение. Натэ! (*Сует ей свой шелковый носовой платок.*)

Элиза. Это зачем?

Хиггинс. Чтобы вытереть глаза. Чтобы вытирать все части лица, которые почему-либо окажутся мокрыми. Запомните: вот это носовой платок, а вот это – рукав. И не путайте одно с другим, если хотите стать настоящей леди и поступить в цветочный магазин.

Элиза, *окончательно сбитая с толку, смотрит на него во все глаза.*

Миссис Пирс. Не стоит вам тратить слова, мистер Хиггинс: все равно она вас не понимает. И потом вы не правы, она ни разу этого не сделала. (*Берет платок.*)

Элиза (*вырывая платок*). Но-но! Отдайте! Это мне дали, а не вам.

Пикеринг (*смеясь*). Правильно. Боюсь, миссис Пирс, что теперь платок придется рассматривать как ее собственность.

Миссис Пирс (*смирившись перед фактом*). Поделом вам, мистер Хиггинс.

Пикеринг. Слушайте, Хиггинс! Мне пришла в голову мысль! Вы помните свои слова о посольском приеме? Сумейте их оправдать – и я буду считать вас величайшим педагогом в мире! Хотите пари, что вам это не удастся? Если вы выиграете, я вам возвращаю всю стоимость эксперимента. Уроки тоже буду оплачивать я.

Элиза. Вот это добрый человек! Спасибо вам, кэптен!

Хиггинс (*смотрит на нее, готовый поддаться искушению*). Черт, это соблазнительно! Она так неотразимо вульгарна, так вопиюще грязна...

Элиза (*возмущенная до глубины души*). У-у-ааааа-у!!! Вот все я не грязная: я мылась, перед тем как идти сюда, – да, и лицо мыла и руки!

Пикеринг. Кажется, можно не опасаться, что вы вскружите ей голову комплиментами, Хиггинс.

Миссис Пирс (*с беспокойством*). Не скажите, сэр, – есть разные способы кружить

девушкам головы; и мистер Хиггинс мастер на это, хоть, может быть, и не всегда по своей воле. Я надеюсь, сэр, вы не станете подбивать его на что-нибудь безрассудное.

Хиггинс (*постепенно расходясь, по мере того как идея Пикеринга овладевает им*). А что такое жизнь, как не цепь вдохновенных безрассудств? Никогда не упускай случая – он представляется не каждый день. Решено! Я возьму эту чумазую замухрышку и сделаю из нее герцогиню!

Элиза (*энергично протестуя против данной ей характеристики*). У-у-ааааа-у!

Хиггинс (*увлекаясь все больше и больше*). Да, да! Через шесть месяцев – даже через три, если у нее чуткое ухо и гибкий язык, – она сможет явиться куда угодно и сойти за кого угодно. Мы начнем сегодня же! Сейчас же! Немедленно! Миссис Пирс, возьмите ее и вычистите хорошенько. Если так не отойдет, попробуйте наждаком. Плита у вас топится?

Миссис Пирс (*тоном протеста*). Да, но...

Хиггинс (*бушует*). Стащите с нее все это и бросьте в огонь. Позвоните к Уайтли или еще куда-нибудь, пусть пришлют все, что там требуется из одежды. А пока можете завернуть ее в газету.

Элиза. Стыдно вам говорить такие вещи, а еще джентльмен! Я не какая-нибудь, я честная девушка, а вашего брата я насквозь вижу, да.

Хиггинс. Забудьте свою лиссонгровскую добродетель, девушка. Вы теперь должны учиться вести себя как герцогиня. Миссис Пирс, уберите ее отсюда. А если она будет упрямиться, всыпьте ей как следует.

Элиза (*вскакивает и бросается к Пикерингу, ища защиты*). Не смейте! Я полицию позову, вот сейчас позову!

Миссис Пирс. Но мне ее негде поместить.

Хиггинс. Поместите в мусорном ящике.

Элиза. У-у-ааааа-у!

Пикеринг. Полно вам, Хиггинс! Будьте благоразумны.

Миссис Пирс (*решительно*). Вы должны быть благоразумны, мистер Хиггинс, должны. Нельзя так бесцеремонно обращаться с людьми.

Хиггинс, *вняв выговору, утихает. Буря сменяется мягким бризом удивления.*

Хиггинс (*с профессиональной чистотой модуляций*). Я бесцеремонно обращаюсь с людьми! Дорогая моя миссис Пирс, дорогой мой Пикеринг, у меня и в мыслях не было с кем-нибудь бесцеремонно обращаться. Напротив, я считаю, что мы все должны быть как можно добрее к этой бедной девушке! Мы должны помочь ей приготовиться и приспособиться к ее новому положению в жизни. Если я недостаточно ясно выражал свои мысли, то лишь потому, что боялся оскорбить вашу или ее чувствительность. Элиза, *успокоившись, прокрадывается к своему прежнему месту.*

Миссис Пирс (*Пикерингу*). Вы когда-либо слышали подобное, сэр?

Пикеринг (*от души смеясь*). Никогда, миссис Пирс, никогда.

Хиггинс (*терпеливо*). А в чем собственно дело?

Миссис Пирс. А в том, сэр, что нельзя подобрать живую девушку так, как подбирают камешек на берегу моря.

Хиггинс. А почему собственно?

Миссис Пирс. То есть как это почему? Ведь вы же ничего о ней не знаете. Кто ее родители? А может быть, она замужем?

Элиза. Еще чего!

Хиггинс. Вот именно! Совершенно справедливо замечено: еще чего! Разве вы не знаете, что женщины ее класса после года замужней жизни выглядят как пятидесятилетние поденщицы?

Элиза. Да кто на мне женится?

Хиггинс (*переходя внезапно на самые низкие, волнующие ноты своего голоса, предназначенные для изысканных образцов красноречия*). Поверьте мне, Элиза, еще до того, как я закончу ваше обучение, все окрестные улицы будут усеяны телами безумцев,

застрелившихся из-за любви, к вам.

Миссис Пирс. Перестаньте, сэр. Вы не должны забивать ей голову подобным вздором.

Элиза (*встает и решительно выпрямляется*). Я уйду. У него, видно, не все дома. Не надо мне полоумных учителей.

Хиггинс (*глубоко уязвленный ее нечувствительностью к его красноречию*). Ах, вот как! По-вашему, я сумасшедший? Отлично! Миссис Пирс! Новых платьев заказывать не нужно. Возьмите ее и выставьте за дверь.

Элиза (*жалобно*). Ну, ну! Вы не имеете права меня трогать!

Миссис Пирс. Видите, к чему приводит дерзость. (*Указывая на дверь*.) Сюда, пожалуйста.

Элиза (*глота слезы*). Не надо мне никаких платьев. Я бы все равно не взяла. (*Бросает платок Хиггинсу*.) Я могу сама купить себе платья. (*Медленно, как бы нехотя, бредет к двери*.)

Хиггинс (*ловко подхватив на лету платок, загораживает ей дорогу*). Вы скверная, испорченная девчонка. Так-то вы мне благодарны за то, что я хочу вытащить вас из грязи, нарядить и сделать из вас леди!

Миссис Пирс. Довольно, мистер Хиггинс. Я не могу допустить этого. Неизвестно еще, кто из вас больше испорчен – девушка или вы. Ступайте домой, моя милая, и скажите своим родителям, чтобы они лучше смотрели за вами.

Элиза. Нет у меня родителей. Они сказали, что я уже взрослая и могу сама прокормиться, и выгнали меня вон.

Миссис Пирс. А где же ваша мать?

Элиза. Нет у меня матери. Эта, которая меня выгнала, это моя шестая мачеха. Но я и без них обхожусь. И вы не думайте, я честная девушка!

Хиггинс. Ну и слава богу! Не из-за чего, значит, шум поднимать. Девушка ничья и никому не нужна, кроме меня. (*Подходит к миссис Пирс и начинает вкрадчиво*.) Миссис Пирс, почему бы вам не усыновить ее? Вы подумайте, какое удовольствие – иметь дочку... Ну, а теперь хватит разговоров. Ведите ее вниз и...

Миссис Пирс. Но все-таки, как это все будет? Вы собираетесь положить ей какую-нибудь плату? Будьте же рассудительны, сэр.

Хиггинс. Ну, платите ей, сколько там нужно; можете записывать это в книгу хозяйственных расходов. (*Нетерпеливо*.) Да на кой черт ей вообще деньги, хотел бы я знать? Кормить ее будут, одевать тоже. Если давать ей деньги, она запыет.

Элиза (*повернувшись к нему*). Ох вы бессовестный! Неправда это! Я капли спиртного в жизни в рот не брала. (*Возвращается к своему стулу и усаживается с вызывающим видом*.)

Пикеринг (*добродушно, увещательным тоном*). Хиггинс, а вам не приходит в голову, что у этой девушки могут быть какие-то чувства?

Хиггинс (*критически оглядывает ее*). Да нет, едва ли. Во всяком случае, это не такие чувства, с которыми стоило бы считаться. (*Весело*.) Как по-вашему, Элиза?

Элиза. Какие у всех людей чувства, такие и у меня.

Миссис Пирс. Мистер Хиггинс, я бы просила вас держаться ближе к делу. Я хочу знать, на каких условиях эта девушка будет жить здесь в доме? Собираетесь ли вы платить ей жалованье? И что с ней будет после того, как вы закончите ее обучение? Надо же немного заглянуть вперед, сэр.

Хиггинс (*нетерпеливо*). А что с ней будет, если я оставлю ее на улице? Пожалуйста, миссис Пирс, ответьте мне на этот вопрос.

Миссис Пирс. Это ее дело, мистер Хиггинс, а не ваше.

Хиггинс. Ну, так после того как я с ней кончу, можно выкинуть ее обратно на улицу, и тогда это опять будет ее дело, – вот и все.

Элиза. Эх вы! Сердца в вас нет, вот что! Только о себе думаете, а на других наплевать. (*Встает и произносит решительно и твердо*.) Ладно, хватит с меня. Я уйду. (*Направляется к двери*.) А вам стыдно должно быть! Да, стыдно!

Хиггинс (*хватает шоколадную конфету из вазы, стоящей на рояле; глаза его вдруг заблестели лукавством*). Элиза, возьмите шоколадку...

Элиза (*останавливается, борясь с искушением*). А почему я знаю, что там внутри? Одну девушку вот так отравили, я сама слыхала.

Хиггинс *вынимает перочинный нож, разрезает конфету пополам, кладет одну половинку в рот и протягивает ей другую*.

Хиггинс. Вот, чтобы не было сомнений: половинку – мне, половинку – вам.

Элиза *открывает рот, готовясь возразить*.

(*Быстро всовывает ей в рот конфету*.) Вы будете есть шоколад каждый день, коробками, бочками! Вы будете питаться одним шоколадом! Ну как, идет?

Элиза (*проглотив, наконец, конфету, после того как чуть не подавилась ею*). Подумаешь, нужна мне ваша конфета! Просто я хорошо воспитана и знаю, что вынимать изо рта некрасиво.

Хиггинс. Слушайте, Элиза, вы, кажется, сказали, что приехали на такси?

Элиза. Ну и что ж, что приехала? Я имею такое же право ездить на такси, как и все.

Хиггинс. Полное право, Элиза! И отныне вы будете разъезжать на такси сколько вам захочется. Каждый день вы будете брать такси и кататься по городу: вдоль, поперек и потом еще кругом. Учтите это, Элиза.

Миссис Пирс. Мистер Хиггинс, вы искушаете девушку. Это нехорошо! Она должна думать о будущем.

Хиггинс. В такие годы? Чепуха! О будущем хватит времени подумать тогда, когда уже впереди не будет будущего. Нет, нет, Элиза. Следуйте примеру этой леди: думайте о будущем других людей, но никогда не задумывайтесь о своем собственном. Думайте о шоколаде, о такси, о золоте, брильянтах.

Элиза. Пожалуйста, не надо мне ни золота, ни брильянтов. Я не какая-нибудь, я честная девушка. (*Садится и принимает позу, которая должна выразить достоинство*.)

Хиггинс. Вы такой же честной и останетесь, Элиза, под крылышком миссис Пирс. А потом вы, выйдете замуж за гвардейского офицера с роскошными усами; это будет сын маркиза, и отец сперва лишит его наследства за неравный брак, но, тронутый вашей красотой и скромностью, смягчится и...

Пикеринг. Простите, Хиггинс, но я, право, чувствую, что должен вмешаться. Миссис Пирс совершенно права. Если вы хотите, чтобы эта девушка доверилась вам на полгода для педагогического эксперимента, нужно, чтобы она отчетливо понимала, что делает.

Хиггинс. Но это невозможно! Она не способна отчетливо понять что бы то ни было. Да и потом, кто же из нас понимает, что делает? Если бы мы понимали, мы бы, вероятно, никогда ничего не делали.

Пикеринг. Это очень остроумно, Хиггинс, но не слишком вразумительно. (*Элизе*.) Мисс Дулиттл...

Элиза (*потрясенная*). У-аааа-у!

Хиггинс. Вот вам! Больше вы ничего из нее не выжмете. У-ааааа-у! Нет, объяснения излишни! Как человек военный, вы должны знать это. Четкий приказ – вот что здесь требуется. Элиза! Шесть месяцев вы будете жить в этом доме и учиться говорить красиво и правильно, как молодые леди в цветочном магазине. Если будете слушаться и делать все, что вам скажут, будете спать в настоящей спальне, есть сколько захочется, покупать себе шоколад и кататься на такси. А если будете капризничать и лениться – будете спать в чулане за кухней вместе с тараканами и миссис Пирс будет бить вас метлой. Через шесть месяцев вы наденете красивое платье и поедете в Букингемский дворец. Если король догадается, что вы не настоящая леди, полиция схватит вас и отвезет в Тауэр, и там вам отрубят голову в назидание другим чересчур дерзким цветочницам. Если же никто ни о чем не догадается, вы получите семь шиллингов и шесть пенсов на обзаведение и поступите в цветочный магазин. Если вы откажетесь от этого предложения, значит вы неблагодарная и бессовестная девушка, и ангелы в небесах станут лить слезы, глядя на вас. (*Пикеринг-гу*.) Ну, Пикеринг, теперь вы

удовлетворены? (*Миссис Пирс.*) Кажется, я достаточно честно и откровенно изложил все, миссис Пирс?

Миссис Пирс (*терпеливо*). Пожалуй, сэр, лучше всего будет, если я сама поговорю с девушкой с глазу на глаз. Хотя не думаю, чтобы я решилась взять на себя заботу о ней или вообще одобрила вашу выдумку. Разумеется, я верю, что вы не хотите ей зла, но ведь если человек заинтересует вас своим произношением, вы готовы забыть обо всем на свете. Элиза, идите за мной.

Хиггинс. Вот это правильно. Благодарю вас, миссис Пирс. Гоните ее в ванную.

Элиза (*нехотя и с опаской поднимаясь с места*). Вы большой грубиян, вот я вам что скажу. Не захочу, так и не останусь здесь. Не желаю я, чтоб меня били метлой, да! И вовсе я не просилась в Букнемский дворец. А с полицией я никогда дела не имела, никогда! Я не какая-нибудь, я...

Миссис Пирс. Замолчите, моя милая. Вы ничего не поняли из слов этого джентльмена. Идите за мной. (*Подходит к двери и распахнув ее, ждет Элизу.*)

Элиза (*на пороге*). А что, я правду говорю. И к королю не сунусь! Вот пусть мне голову отрубят, не сунусь! Если б я знала, что тут такое выйдет, ни за что бы не пришла. Я честная девушка, и я его не трогала, он сам ко мне привязался, и я ему ничего не должна, и мне наплевать, и меня не проведешь, и какие у всех людей чувства, такие и у меня...

Миссис Пирс закрывает дверь, и жалоб Элизы больше не слышно. Пикеринг отходит от камина, садится верхом на стул и кладет локти на спинку.

Пикеринг. Простите за откровенность, Хиггинс, но я хочу вам задать один вопрос. Вы человек порядочный в делах, касающихся женщин?

Хиггинс (*ворчливо*). А вы когда-нибудь видели, чтобы человек был порядочным в делах, касающихся женщин?

Пикеринг. Да, и даже очень часто.

Хиггинс (*упирается ладонями в крышку рояля, подпрыгивает и, усевшись с размаху, говорит авторитетным тоном*). Ну, а я ни разу. Я знаю, что как только я позволяю женщине сблизиться со мной, так она сейчас же начинает ревновать, придирается, шпионить и вообще отравляет мне существование. И я знаю, что как только я позволяю себе сблизиться с женщиной, я становлюсь эгоистом и тираном. Женщины все переворачивают вверх дном. Попробуйте впустить женщину в свою жизнь, и вы сейчас же увидите, что ей нужно одно, а вам совершенно другое.

Пикеринг. Что же, например?

Хиггинс (*соскакивает с рояля, ему явно не сидится*). А черт его знает что! Вероятно, все дело в том, что женщина хочет жить своей жизнью, а мужчина – своей; и каждый старается свести другого с правильного пути. Один тянет на север, другой на юг; а в результате обоим приходится сворачивать на восток, хотя оба не переносят восточного ветра. (*Садится на скамью у рояля.*) Вот почему я твердо решил остаться холостяком и едва ли перемену когда-нибудь свое решение.

Пикеринг (*встает, подходит к нему и говорит серьезным тоном*). Бросьте, Хиггинс! Вы отлично знаете, о чем я говорю. Если я приму участие в этой затее, я буду чувствовать себя ответственным за девушку. И я надеюсь – это само собой разумеется, – никаких попыток злоупотребить ее положением...

Хиггинс. Что-о? Вы вот о чем! Ну, это будет свято, могу вас уверить. (*Встает, чтобы объяснить свою мысль.*) Поймите, ведь она же будет моей ученицей; а научить человека чему-нибудь можно только тогда, когда личность учащегося священна. Я не один десяток американских миллионерш обучил искусству правильно говорить по-английски, а это самые красивые женщины на свете. Тут у меня крепкая закалка. На уроке я чувствую себя так, как будто передо мной не женщина, а кусок дерева; или как будто я сам – не мужчина, а кусок дерева. Это...

Миссис Пирс приотворяет дверь. В руках у нее шляпа Элизы. Пикеринг возвращается к камину и усаживается в кресло.

Хиггинс (*живо*). Ну как, миссис Пирс, все в порядке?

Миссис Пирс (*в дверях*). Если вы разрешите, мистер Хиггинс, я хотела бы сказать вам два слова...

Хиггинс. Конечно, пожалуйста. Входите.

Миссис Пирс входит в комнату.

Вы это не сжигайте, миссис Пирс. Я хочу сохранить это как раритет. (*Берет у нее шляпу.*)

Миссис Пирс. Только поосторожнее, сэр, прошу вас. Мне пришлось пообещать ей, что я это не сожгу; но все-таки подержать немного в горячей печи не мешало бы.

Хиггинс (*поспешно кладет шляпу на рояль*). О, благодарю за предупреждение! Так что же вы мне хотели сказать?

Пикеринг. Я не мешаю?

Миссис Пирс. Ничуть, сэр. Мистер Хиггинс, в присутствии этой девушки я просила бы вас быть очень осмотрительным в выборе выражений.

Хиггинс (*строго*). Конечно. Я всегда очень осмотрителен в выборе выражений. Почему вы мне это говорите?

Миссис Пирс (*твердо*). Нет, сэр, когда вы чего-нибудь не можете найти или когда вам изменяет терпение, вы вовсе не осмотрительны. Для меня это не имеет значения: я привыкла. Но в присутствии этой девушки, пожалуйста, постарайтесь не ругаться.

Хиггинс (*возмущенно*). Я – ругаться? (*С большим пафосом.*) Я никогда не ругаюсь. Я презираю эту манеру. Что, черт возьми, вы хотите сказать?

Миссис Пирс (*внушительно*). Вот это самое я и хочу сказать, сэр. Вы произносите слишком много бранных слов. Ну, пусть бы еще только «к черту», и «на черта», и «какого черта»...

Хиггинс. Миссис Пирс! Подобные выражения – в ваших устах! Опомнитесь!

Миссис Пирс (*не давая себя сбить с позиции*). ...но есть одно слово, которое я настоятельно просила бы вас не употреблять. Девушка сама только что употребила это слово, прищемив себе палец дверью в ванной комнате. Оно начинается на ту же букву, что и дверь. Ей это простительно, она с пеленок привыкла к такому языку. Но от вас она не должна слышать ничего подобного.

Хиггинс (*высокомерно*). Простите, миссис Пирс, я не помню, чтобы я когда-нибудь произносил это слово.

Миссис Пирс смотрит на него в упор.

(*Он добавляет, пряча нечистую совесть под маской судейского беспристрастия.*)
Разве только в редкие минуты крайнего и справедливого раздражения.

Миссис Пирс. Только сегодня утром, сэр, вы назвали этим словом свое новое пальто, затем молоко и толокно.

Хиггинс. Ах да! Но ведь это было просто ради ассонанса – вполне естественно для поэта...

Миссис Пирс. Весьма возможно, сэр, но, как бы это ни называлось, я предпочла бы, чтоб вы не повторяли этого при девушке.

Хиггинс. Ну, хорошо, хорошо, не буду. Это все?

Миссис Пирс. Нет, сэр. Нам еще придется быть очень щепетильными с этой девушкой в вопросах личной опрятности.

Хиггинс. Безусловно. Вы совершенно правы. Это очень важно.

Миссис Пирс. То есть мы должны приучить ее к тому, что она всегда должна быть аккуратно одета и не должна разбрасывать повсюду свои вещи.

Хиггинс (*подходя к ней, озабоченно*). Вот именно. Я как раз хотел специально обратить на это ваше внимание. (*Повернувшись к Пикерингу, которому весь этот разговор доставляет огромное удовольствие.*) Должен вам сказать, Пикеринг, что все эти мелочи чрезвычайно существенны. Берегите пенсы, а уж фунты сами себя сэберегут, – эта пословица так же справедлива для формирования личности, как и для накопления капитала. (*Он теперь*

добрался до коврика перед камином и утвердился там в позе человека, занимающего неприступную позицию.)

Миссис Пирс. Да, сэр. Так что я уж буду просить вас не выходить к завтраку в халате или хотя бы по возможности реже пользоваться им в качестве салфетки. А если бы вы еще согласились не есть все кушанья с одной тарелки и помнить о том, что кастрюльку с овсяной кашей не следует ставить прямо на чистую скатерть, для девушки это был бы очень поучительный пример. Помните, еще на прошлой неделе вы едва не подавились рыбьей косточкой, очутившейся в вашем варенье.

Хиггинс (*снявшись с якоря и взяв курс снова к роялю*). Может быть, это иногда и бывает со мной по рассеянности, но во всяком случае очень редко. (*Сердито.*) Кстати, мой халат отчаянно воняет бензином.

Миссис Пирс. У бензина вообще очень сильный запах, мистер Хиггинс. Но если вы будете вытирать руки...

Хиггинс (*рычит*). Хорошо, хорошо! Теперь я буду вытирать их о свои волосы.

Миссис Пирс. Надеюсь, вы на меня не сердитесь, мистер Хиггинс?

Хиггинс (*смущенный тем, что его заподозрили в способности питать недобрые чувства*). Нет, нет, ничуть. Вы абсолютно правы, миссис Пирс; я буду очень осторожен в присутствии девушки. Это все?

Миссис Пирс. Нет еще, сэр. Вы разрешите мне взять пока один из японских халатов, которые вы привезли из-за границы? Я положительно не решаюсь снова надеть на нее это платье.

Хиггинс. Конечно. Берите все, что хотите. Ну, теперь все?

Миссис Пирс. Благодарю вас, сэр. Теперь все. (*Выходит.*)

Хиггинс. Удивительно, Пикеринг, до чего у этой женщины превратное обо мне представление. Я вообще человек очень робкий и тихий. Я как-то все не могу почувствовать себя по-настоящему взрослым и внушительным. И тем не менее она совершенно убеждена в том, что я тиран и самодур. Не знаю, чем это объяснить.

Миссис Пирс возвращается.

Миссис Пирс. Вот видите, сэр, уже начинается. Там пришел какой-то мусорщик и спрашивает вас. Его зовут Альфред Дулиттл, и он говорит, что у вас тут находится его дочь.

Пикеринг (*вставая*). Фью! Интересно! (*Возвращается к камину.*)

Хиггинс (*живо*). Давайте этого шантажиста сюда.

Миссис Пирс выходит.

Пикеринг. Он, может быть, вовсе и не шантажист, Хиггинс?

Хиггинс. Ерунда. Самый настоящий шантажист.

Пикеринг. Как бы то ни было, боюсь – он вам доставит неприятности.

Хиггинс (*с уверенностью*). Ну нет, не думаю. Если уж на то пошло, так скорей я ему доставлю неприятности. И, может быть, мы тут услышим что-нибудь интересное.

Пикеринг. Вы имеете в виду девушку?

Хиггинс. Да нет же. Я имею в виду его речь.

Пикеринг. О!

Миссис Пирс (*в дверях*). Дулиттл, сэр. (*Пропускает в комнату Дулиттла и уходит.*)

Альфред Дулиттл – пожилой, но еще очень крепкий мужчина в рабочей одежде мусорщика и в шляпе, поля которой спереди срезаны, а сзади накрывают шею и плечи. Черты лица энергичные и характерные; чувствуется человек, которому одинаково незнакомы страх и совесть. У него чрезвычайно выразительный голос – следствие привычки давать полную волю чувствам. В данный момент он всем своим видом изображает оскорбленную честь и твердую решимость.

Дулиттл (*в дверях, стараясь определить, кто из двоих – тот, который ему нужен*).
Профессор Хиггинс?

Хиггинс. Это я. Доброе утро! Садитесь.

Дулиттл. Доброе утро, хозяин. (*Опускается на стул с достоинством чиновной особы.*)

Я к вам по очень важному делу, хозяин.

Хиггинс (*Пикерингу.*) Вырос в Хоунслоу. Мать, по всей вероятности, из Уэлса.

Дулиттл *смотрит на него, разинув рот от изумления.*

(*Продолжает.*) Так что же вам нужно, Дулиттл?

Дулиттл(*с угрозой*). Что мне нужно? Мне дочка моя нужна. Понятно?

Хиггинс. Вполне. Вы – ее отец, не так ли? Кому ж она еще может быть нужна, кроме вас? Мне очень приятно видеть, что в вас сохранилась искра родительского чувства. Она здесь. Можете взять ее сейчас же.

Дулиттл (*встает, совершенно растерявшись*). Чего?

Хиггинс. Можете взять ее. Не собираетесь же вы, в самом деле, подкинуть мне свою дочь?

Дулиттл (*протестующе*). Но-но, хозяин, так не годится. Разве ж это по-честному? Разве так поступают с человеком? Девчонка моя. Она у вас. Что ж, по-вашему, я тут ни при чем? (*Усаживается снова.*)

Хиггинс. Ваша дочь имела дерзость явиться в мой дом и потребовать, чтобы я выучил ее правильно говорить по-английски, так как иначе она не может получить места продавщицы в цветочном магазине. Этот джентльмен и моя экономка присутствовали при разговоре. (*Наступая на него.*) Как вы смели прийти сюда шантажировать меня? Это вы ее подослали?

Дулиттл. Нет, хозяин, это не я.

Хиггинс. Конечно, вы. Иначе откуда вы могли узнать, что она здесь?

Дулиттл. Да вы прежде разберитесь, хозяин, а потом уже говорите.

Хиггинс. Пусть с вами полиция разбирается. Типичный случай – попытка выманить деньги с помощью угроз. Сейчас же звоню в полицию. (*Решительно направляется к телефону и начинает листать справочник.*)

Дулиттл. Да разве я просил у вас хоть фартинг? Вот пусть этот джентльмен скажет: сказал я хоть слово о деньгах? Хиггинс (*бросив справочник, идет к Дулиттлу и смотрит на него испытующе*). А зачем же вы сюда пришли?

Дулиттл (*вкрадчиво*). Зачем всякий бы пришел на моем месте? Рассудите по-человечески, хозяин.

Хиггинс (*обезоруженный*). Альфред, скажите правду: посылали вы ее или нет?

Дулиттл. Вот что хотите, хозяин, – не посылаю! Могу хоть на Библии поклясться. Я ее третий месяц как в глаза не видел.

Хиггинс. Откуда же вы узнали, что она здесь?

Дулиттл (*меланхолическим речитативом*). Дайте мне слово сказать, хозяин, и я вам все объясню. Я могу вам все объяснить. Я хочу вам все объяснить. Я должен вам все объяснить.

Хиггинс. Пикеринг, у этого человека природные способности оратора. Обратите внимание на ритм и конструкцию: «Я могу вам все объяснить. Я хочу вам все объяснить. Я должен вам все объяснить». Сентиментальная риторика! Вот она, примесь уэлской крови. Попрошайничество и жульнические замашки отсюда же.

Пикеринг. Ради бога, Хиггинс! Я ведь тоже с Запада. (*Дулиттлу.*) Как вы узнали, что девушка здесь, если не вы ее подослали сюда?

Дулиттл. Вот как было дело, хозяин. Девчонка, когда поехала к вам, взяла с собой хозяйского сынишку, прокатить на такси. Он и вертелся тут возле дома, в расчете, что она его обратно тоже подвезет. Когда вы сказали, что оставите ее здесь, она его послала за своими вещами. Тут он мне и повстречался, на углу Лонг-экр и Энджел-стрит. Хиггинс. У пивной? Понимаю. Дулиттл. Что ж тут такого, хозяин? Пивная – клуб бедного человека.

Пикеринг. Хиггинс, дайте же ему досказать.

Дулиттл. Он мне и рассказал, как и что. Теперь я спрашиваю вас как отец: что я должен был почувствовать и как поступить? Я говорю мальчишке: «Неси вещи сюда», – говорю я ему...

Пикеринг. А почему же вы сами за ними не пошли?

Дулиттл. Хозяйка бы их мне не доверила. Бывают, знаете, такие вредные женщины: вот она из таких. Мальчишке тоже пришлось дать пенни, а то и он не хотел доверить мне вещи, щенок этакий! Вот я и приволок их сюда: почему ж не оказать людям услугу.

Хиггинс. А что там за вещи?

Дулиттл. Да пустяки, хозяин. Гитара, несколько фотографий, кое-какие украшения и птичья клетка. Платьев она не велела брать. Что я должен был подумать, хозяин? Я вас спрашиваю: что я, как отец, должен был подумать?

Хиггинс. И вы поспешили сюда, чтобы спасти ее от участи, которая хуже смерти, так? Дулиттл (*одобрительно, довольный тем, что его так хорошо поняли*). Так, хозяин. Именно так! Пикеринг. Но зачем же вы принесли вещи, раз вы хотите взять ее отсюда?

Дулиттл. А когда я говорил, что хочу взять ее отсюда? Ну, когда?

Хиггинс (*решительно*). Вы возьмете ее отсюда, и сию же минуту. (*Идет к камину и нажимает кнопку звонка.*)

Дулиттл. Нет, хозяин, вы мне этого не говорите. Не такой я человек, чтоб становиться своей дочке поперек дороги. Тут перед ней, можно сказать, карьера открывается, и...

Миссис Пирс приотворяет дверь и останавливается, ожидая распоряжений.

Хиггинс. Миссис Пирс, это отец Элизы. Он пришел взять ее отсюда. Выдайте ему ее. (*Отходит к роялю с таким видом, как будто хочет сказать: я умываю руки, и больше меня это дело не касается.*)

Дулиттл. Нет, нет. Это ошибка. Вы послушайте...

Миссис Пирс. Но как же он ее возьмет, мистер Хиггинс? Это невозможно: ведь вы сами велели мне сжечь ее платье.

Дулиттл. Вот видите! Могу я тащить девчонку по улице нагишом, как обезьяну? Ну скажите сами: могу?

Хиггинс. Вы, кажется, только что заявили мне, что вам нужна ваша дочь? Вот и берите вашу дочь. Если у нее нет платья, пойдите и купите ей.

Дулиттл (*в отчаянии*). А где то платье, в котором она пришла сюда? Я его сжег или ваша мадам?

Миссис Пирс. Простите, я в этом доме состою в должности экономки. Я послала человека купить все необходимое для вашей дочери. Когда он вернется, вы сможете взять ее домой. Подождать можно на кухне. Сюда, пожалуйста.

Дулиттл, совершенно расстроенный, идет за ней к двери; на пороге он останавливается, колеблясь, потом поворачивается к Хиггинсу.

Дулиттл (*доверительно*). Послушайте, хозяин. Ведь мы с вами люди интеллигентные, не правда ли?

Хиггинс. О! Вот как? Я думаю, вы пока можете уйти, миссис

Пирс. Миссис Пирс. Я тоже так думаю, сэр. (*С достоинством уходит.*)

Пикеринг. Ваше слово, мистер Дулиттл.

Дулиттл (*Пикерингу*). Спасибо, хозяин. (*Хиггинсу, который укрылся на скамье у рояля, стараясь избежать чрезмерной близости к гостю, так как от Дулиттла исходит специфический запах, свойственный людям его профессии.*) Так вот, хозяин, дело все в том, что вы мне, знаете, очень понравились, и если Элиза вам нужна, я, так и быть, не стану упираться на том, чтоб непременно взять ее отсюда, – думаю, тут можно будет договориться. Ведь если на нее посмотреть как на молодую женщину, тут плохого не скажешь: девчонка что надо! Но как дочь она не стоит своих харчей, – говорю вам откровенно. Я только прошу не забывать, что я отец и у меня есть свои права. Вы человек справедливый, хозяин, я сразу увидел, и уж кто-кто, а вы не захотите, чтоб я вам ее уступил задаром. Ну что для вас какие-нибудь пять фунтов? И что для меня Элиза? (*Возвращается к своему стулу и садится с судейской торжественностью.*)

Пикеринг. Вы должны иметь в виду, Дулиттл, что у мистера Хиггинса нет никаких дурных намерений.

Дулиттл. Еще бы! Если б у него были намерения, я бы спросил пятьдесят.

Хиггинс (*возмущенно*). Вы хотите сказать, бездушный вы негодяй, что за пятьдесят фунтов вы бы продали родную дочь?

Дулиттл. Ну, не то чтобы уж продавать, но такому симпатичному джентльмену, как вы, я готов сделать любое одолжение, уверяю вас.

Пикеринг. Послушайте, но неужели у вас совершенно нет чувства морали?

Дулиттл (*не смущаясь*). Оно мне не по карману, хозяин. Будь вы на моем месте, у вас бы его тоже не было. И потом, что ж тут такого дурного? Если Элизе перепадет кое-что, почему бы и мне не попользоваться?

Хиггинс (*озабоченно*). Я, право, не знаю, что делать, Пикеринг. Совершенно очевидно, что с точки зрения морали было бы преступлением дать этому субъекту хотя бы фартинг. И все же его требования не лишены, мне кажется, какой-то примитивной справедливости.

Дулиттл. Вот, вот, хозяин! Я и говорю. Отцовское сердце все-таки.

Пикеринг. Я понимаю ваши сомнения, но все же едва ли можно согласиться...

Дулиттл. Вы мне этого не говорите, хозяин. Попробуйте лучше взглянуть на дело по-другому. Кто я такой, хозяева? Я вас спрашиваю, кто я такой? Я недостойный бедняк, вот я кто. А вы понимаете, что это значит? Это значит – человек, который постоянно не в ладах с буржуазной моралью. Где бы что ни заварилось, стоит мне попросить свою долю, сейчас же услышишь: «Тебе нельзя: ты – недостойный». Но ведь мне столько же нужно, сколько самой раздстойной вдове, которая в одну неделю умудряется получить деньги от шести благотворительных обществ на похороны одного и того же мужа. Мне нужно не меньше, чем достойному бедняку; мне даже нужно больше. Он ест, и я ем; и он не пьет, а я пью. Мне и поразвлекчсь требуется, потому что я человек мыслящий. Мне и на людях побывать нужно и музыку послушать, когда на душе тоска. А ведь дерут-то с меня за все чистоганом – так же, как и с достойного. Что же такое, выходит, буржуазная мораль? Да просто предлог, чтобы отказывать мне во всем. Поэтому я к вам обращаюсь как к джентльменам, и прошу так со мной не поступать. Я ведь с вами начистоту. Я достойным не прикидываюсь. Я недостойный и недостойным останусь. Мне нравится быть недостойным – вот вам, если хотите знать. Так неужели вы воспользуетесь слабостью человека, чтобы обсчитать его на цене родной дочери, которую он в поте лица растил, кормил и одевал, пока она не выросла настолько, что ею уже интересуются джентльмены. Разве пять фунтов такая уж большая сумма? Представляю это на ваше рассмотрение и оставляю на ваше усмотрение.

Хиггинс (*встает и подходит к Пикерингу*). Пикеринг! Если б мы поработали над этим человеком три месяца, он мог бы выбирать между министерским креслом и кафедрой проповедника в Уэлсе.

Пикеринг. Что вы на это скажете, Дулиттл?

Дулиттл. Нет уж, спасибо, хозяин! Слышал я и проповедников и министров, – я ведь человек мыслящий и для меня политика, «ли религия, или там социальные реформы – развлечение не хуже других, и могу сказать вам одно: собачья это жизнь, с какой стороны ни посмотреть. Быть недостойным бедняком куда лучше. Если уж сравнивать различные положения в обществе, это... это... ну, в общем, по мне – это единственное, в котором есть смак.

Хиггинс. Придется дать ему пять фунтов.

Пикеринг. Я только боюсь, что он их использует не так, как нужно.

Дулиттл. Нет уж, хозяин, насчет этого не беспокойтесь. Вы, может, думаете, что я зажму их в кулак и стану жить на них понемножку, ничего не делая? Будьте уверены: к понедельнику от них ни пенни не останется, и я отправлюсь себе на работу, как будто у меня их никогда и не бывало. В нищие не запишусь, на казенный харч не пойду. Так, разок-другой побалую себя и свою хозяйку – и нам удовольствие, и людям прибыль; и вам приятно, что не зря деньги выбросили. Вы бы и сами не истратили их с большей пользой.

Хиггинс (*вынимает бумажник, подходит к Дулиттлу и становится между ним и роялем*). Это просто неотразимо! Дадим ему десять. (*Протягивает мусорщику две*

кредитки.)

Дулиттл. Нет, хозяин, у нее духу не хватит истратить десять; да, пожалуй, и у меня тоже. Десять фунтов – большие деньги; у кого они заведутся, тот уже начинает жить с оглядкой, а это значит – конец счастью. Вы мне дайте столько, сколько я просил, хозяин, ни пенни больше и ни пенни меньше.

Пикеринг. Почему вы не женитесь на этой своей «хозяйке»? Такого рода нарушения морали я не склонен поощрять.

Дулиттл. Скажите это ей, хозяин, ей скажите. Я-то с охотой. Для меня так куда хуже: и угождай ей во всем, и подарки ей делай, и новые платья покупай! Грех сказать, она из меня веревки вьет, эта женщина, а все потому, что я ей незаконный муж. И она это знает. Подите-ка заставьте ее выйти за меня замуж! Вот вам мой совет, хозяин: женитесь на Элизе, пока она еще молодая и ничего не смыслит. Не женитесь – потом пожалеете. А женитесь, так она потом пожалеет; но уж пусть лучше она, чем вы, потому что вы мужчина, а она женщина, и все равно на нее никогда не угодишь.

Хиггинс. Пикеринг! Если мы еще минуту послушаем этого человека, у нас не останется ни одного непоколебленного убеждения. *(Дулиттлу.)* Так вы говорите, пять фунтов?

Дулиттл. Покорнейше благодарю, хозяин.

Хиггинс. Вы решительно не хотите взять десяти?

Дулиттл. Сейчас нет. Как-нибудь в другой раз, хозяин.

Хиггинс *(передает ему кредитку)*. Получайте.

Дулиттл, торопясь улизнуть со своей добычей, быстро идет к двери и на пороге сталкивается с изящной молодой японкой ослепительной чистоты, в скромном голубом кимоно, искусно затканном мелкими белыми цветочками жасмина. Ее сопровождает миссис Пирс. Дулиттл вежливо уступает ей дорогу.

Дулиттл. Извините, мисс.

Японка. Ух ты! Родную дочку не признал?

Элиза. Верно, у меня вид дурацкий?

Хиггинс. Дурацкий?

Миссис Пирс *(в дверях)*. Пожалуйста, мистер Хиггинс, не говорите ничего такого, что заставило бы девушку слишком много вообразить о себе.

Хиггинс *(спохватившись)*. О! Да, да, миссис Пирс, вы правы. *(Элизе.)* Прямо черт знает что за вид.

Миссис Пирс. Простите, сэр.

Хиггинс *(спеши поправиться)*. Я хочу сказать: очень глупый вид.

Элиза. С шляпой оно, пожалуй, лучше будет. *(Берет свою шляпу с рояля, надевает ее и со светской непринужденностью шествует через всю комнату к камину.)*

Хиггинс. Чем не новая мода! А ведь, казалось бы, что может быть ужаснее!

Дулиттл *(с родительской гордостью)*. Скажи на милость, никогда б не подумал, что можно домыть ее до такой красоты! Она делает мне честь. Верно, хозяин?

Элиза. Я тебе скажу, здесь невелика штука ходить мытым. Воды в кране сколько хочешь. Тут тебе и горячая, тут тебе и холодная. Полотенца мягкие, пушистые; а вешалка для них такая горячая, что пальцы обожжешь. Потом щетки такие есть, чтоб тереться; а мыла полна чашка, и пахнет как первоцвет. Теперь-то я знаю, почему все леди такие чистенькие. Им мыться – одно удовольствие! Посмотрели б они, как это у нас делается!

Хиггинс. Я очень рад, что моя ванная вам понравилась.

Элиза. Вовсе не понравилась – то есть не все понравилось. Можете обижаться, а я все равно скажу. Вот миссис Пирс знает.

Хиггинс. Что там было не в порядке, миссис Пирс?

Миссис Пирс *(кратко)*. Ничего, сэр. Право, не стоит говорить об этом.

Элиза. Так бы и разбила его. Прямо не знаешь, куда глаза девать. Под конец-то я его полотенцем завесила.

Хиггинс. Что завесили?

Миссис Пирс. Зеркало, сэр.

Хиггинс. Дулиттл, вы слишком строго воспитали свою дочь.

Дулиттл. Я? Да я ее и вовсе не воспитывал; так только разве когда стегнешь ремнем. Вы уж меня не вините, хозяин. Она просто не привыкла еще. Привыкнет, будет вести себя посвободнее, как у вас полагается.

Элиза. Вотсе я не буду себя вести посвободнее. Я не какая-нибудь, я честная девушка.

Хиггинс. Элиза! Если вы еще раз скажете, что вы честная девушка, ваш отец сейчас же уведет вас домой.

Элиза. Да, как же! Плохо вы знаете моего отца. Он только затем и пришел, чтоб вытянуть у вас денег да напиться как следует.

Дулиттл. А что же мне еще с деньгами делать? В церковную кружку опустить, что ли?

Элиза показывает ему язык и тем приводит его в такую ярость, что Пикеринг торопится встать между ними.

Ты эти песни брось, бесстыдница! А будешь еще напевать их этому джентльмену, так я тебе тоже кое-что спою! Поняла?

Хиггинс. Может быть, вы хотите дать ей какой-нибудь совет, Дулиттл? Или благословить ее на прощание?

Дулиттл. Нет, хозяин, не такой я простофиля, чтобы выкладывать своим детям все, что я знаю. И так с ними не сладишь. Если вы хотите, чтоб Элиза стала умнее, – возьмите ремень да поучите ее сами. Желаю здравствовать, джентльмены! *(Поворачивается, чтобы уходить.)*

Хиггинс *(повелительно)*. Стойте! Вы будете регулярно навещать вашу дочь. Это ваш отеческий долг, не забывайте. У меня брат священник, он может направлять ваши беседы.

Дулиттл *(уклончиво)*. Конечно, конечно. Будьте покойны, хозяин. На этой неделе я прийти не смогу, занят очень. Но там, дальше, можете твердо на меня рассчитывать... Всего хорошего, джентльмены. Всего хорошего, мэм! *(Снимает шляпу перед миссис Пирс, но та игнорирует эту дань вежливости и выходит из комнаты. Он сочувственно подмигивает Хиггинсу, видимо, считая, что и ему приходится страдать от тяжелого характера миссис Пирс, и уходит вслед за нею.)*

Элиза. Не верьте вы этому старому брехуну. Для него легче, если вы на него собак спустите, чем священника. Он теперь сюда не скоро нос покажет.

Хиггинс. Это меня не очень огорчает, Элиза. А вас?

Элиза. Меня и подавно. По мне, хоть бы и вовсе его больше не видеть. Срам какой – возится с мусором, вместо того чтоб заниматься своим настоящим делом!

Пикеринг. А какое его настоящее дело, Элиза?

Элиза. Заговаривает людям зубы да перекачивает денежки из чужих карманов в свой. А по-настоящему – он землекоп; бывает, что и теперь берется за лопату, – так, чтоб поразмять кости, – хорошие деньги зарабатывает. А вы меня больше не будете называть мисс Дулиттл?

Пикеринг. Прошу извинить меня, мисс Дулиттл. Я просто оговорился.

Элиза. Да я не обиделась, только уж очень это красиво выходит. А нельзя мне сейчас нанять такси? Я б поехала на Тоттенхем-Корт-Род, там бы вышла, а шоферу велела бы дожидаться, чтоб утереть нос всем нашим девушкам. Разговаривать я с ними не стану, понятное дело. Пикеринг. Лучше подождите, пока вам принесут новое платье.

Хиггинс. И потом – нехорошо отворачиваться от своих друзей, когда достигаешь более высокого положения в обществе. Это называется снобизмом.

Элиза. Нет уж, мне теперь такие друзья ни к чему. Было время, они меня по всякому пустяку на смех подымали, а теперь вот я с ними посчитаюсь. Но если я получу новые платья, можно и подождать. Миссис Пирс говорит, что вы мне купите разные: одни днем носить, а другие надевать на ночь, в постель; только, по-моему, что ж зря деньги тратить на такое, в чем никому показаться нельзя. А потом, как же это – зимой, в холод, и вдруг все с себя снимать?

Миссис Пирс *(возвращаясь)*. Идемте, Элиза. Там принесли платья, их нужно примерить.

Элиза. У-у-ааа-у! (*Опрометью бросается из комнаты.*)

Миссис Пирс (*следуя за ней*). Не так быстро, не так быстро, моя милая. (*Выходит и затворяет дверь.*)

Хиггинс. Нелегкое дело мы с вами затеяли, Пикеринг.

Пикеринг (*твердо*). Да, Хиггинс. Очень нелегкое.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Приемный день у миссис Хиггинс. Гостей еще нет. Гостиная в ее квартире на набережной Челси – большая комната с тремя окнами, выходящими на реку; в доме такого же типа, но более старом, потолок был бы выше. Окна французские, до полу; они раскрыты, и виден балкон, уставленный цветами в горшках. Слева, если стать лицом к окнам, – камин; справа в глубине – дверь. Миссис Хиггинс – женщина, воспитанная на Моррисе и Берн-Джонсе; и ее квартира, совершенно непохожая на квартиру ее сына на Уимпол-стрит, не загромождена лишней мебелью, полочками и безделушками. Посреди комнаты стоит широкая тахта; ее подушки и парчовое покрывало, вместе с ковром на полу, моррисовскими обоями и моррисовскими же кретоновыми занавесками на окнах, составляют все декоративное убранство комнаты; и оно настолько красиво, что жаль было бы прятать его под массой бесполезных мелочей. На стенах несколько хороших картин, выставявшихся в галерее Гросвенор лет тридцать тому назад (берн-джонсовской, а не уистлеровской школы). Пейзаж только один: это Сесиль Лоусон в масштабах Рубенса. Здесь же портрет миссис Хиггинс в молодости, одетой, наперекор моде, в один из тех прелестных россетиевских костюмов, карикатурное подражание которым со стороны людей ничего не смыслящих привело к безвкусыному эстетизму, популярному в семидесятих годах.

Сама миссис Хиггинс – теперь ей за шестьдесят, и она давно уже избавила себя от хлопотливого труда одеваться не по моде – сидит в углу, наискось от двери, у простого и изящного письменного стола; тут же под рукой у нее пуговка звонка. Между столом и ближайшим к нему окном – чиппендейлевское кресло. Другое кресло, елизаветинское, с грубой резьбой во вкусе Иниго Джонса, стоит ближе к правой стене и дальше от окон. С этой же стороны рояль в узорном чехле. В углу между камином и окном – диванчик, обитый моррисовским кретоном.

Время – пятый час дня. Дверь резко распахивается: входит Хиггинс в шляпе.

Миссис Хиггинс (*испуганно*). Генри! (*С упреком.*) Зачем ты пришел? Ведь сегодня у меня приемный день, ты же обещал не приходить. (*Он наклоняется поцеловать ее, она в это время снимает у него с головы шляпу и подает ему.*)

Хиггинс. Ах ты господи! (*Швыряет шляпу на стол.*)

Миссис Хиггинс. Иди сейчас же домой.

Хиггинс (*целуя ее*). Я знаю, мама. Я нарочно пришел.

Миссис Хиггинс. И совершенно напрасно. Я не шучу, Генри. Ты отпугиваешь всех моих знакомых, встретившись с тобой, они перестают у меня бывать.

Хиггинс. Глупости! Я, правда, не умею вести светские разговоры, но это никого не смущает. (*Усаживается на тахту.*)

Миссис Хиггинс. Ах, ты так думаешь? Светские разговоры! Интересно, как назвать разговоры, которые ты умеешь вести? Нет, серьезно, милый, ты лучше уходи.

Хиггинс. Не могу. У меня к вам дело... связанное с фонетикой.

Миссис Хиггинс. Ничего не выйдет, милый. Мне очень жаль, но я никак не могу осилить твои гласные; я очень люблю получать от тебя хорошенькие открытки, стенографированные по твоей системе, но мне всегда приходится обращаться к подстрочнику, который ты так предусмотрительно посылаешь одновременно.

Хиггинс. Но мое дело не связано с фонетикой.

Миссис Хиггинс. Ты ведь сам сказал.

Хиггинс. То есть оно связано, но не для вас. Я тут подобрал одну девушку.

Миссис Хиггинс. Ты хочешь сказать, что одна девушка' подобрала тебя?

Хиггинс. Ничего подобного. Любовь здесь ни при чем.

Миссис Хиггинс. Как жаль!

Хиггинс. Почему?

Миссис Хиггинс. Ты ни разу еще не влюбился в женщину моложе сорока пяти лет. Пора уже заметить, что среди молодых женщин тоже попадаются прехорошенькие.

Хиггинс. Ну, я не могу возиться с молодыми. Мой идеал – это женщина, во всем похожая на вас. Молодые женщины мне никогда не будут нравиться; есть привычки, слишком глубоко вкоренившиеся, чтоб их можно было изменить. *(Вскакивает и принимается шагать из угла в угол, побрякивая ключами и мелочью в кармане.)* К тому же они все дуры.

Миссис Хиггинс. Если ты меня действительно любишь, Генри, ты должен сделать для меня кое-что.

Хиггинс. Ах ты господи! Ну что! Жениться, вероятно?

Миссис Хиггинс. Нет. Вынуть руки из карманов и перестать маршировать по комнате.

Он повинуется с жестом отчаяния и садится на прежнее место.

Вот умница. А теперь расскажи мне про девушку.

Хиггинс. Она сегодня придет к вам в гости.

Миссис Хиггинс. Не помню, когда я ее приглашала.

Хиггинс. Вы и не приглашали. Я ее пригласил. Если б вы ее знали, вы бы ее ни за что не пригласили.

Миссис Хиггинс. Вот как! А почему?

Хиггинс. Понимаете, дело вот в чем... Она простая цветочница. Я ее подобрал на улице.

Миссис Хиггинс. И пригласил ко мне в мой приемный день!

Хиггинс *(встает и подходит к ней, стараясь уговорить ее)*. Все будет очень хорошо. Она уже вполне вошла в роль, и я дал ей строгие инструкции, как себя держать. Ей разрешено касаться только двух тем: погода и здоровье. Сегодня прекрасный день и как вы поживаете – вот и все, никаких общих разговоров. Это совершенно безопасно.

Миссис Хиггинс. Безопасно! Она будет говорить о нашем здоровье. О наших внутренностях! Может быть, даже о нашей внешности! Как можно было сделать такую глупость, Генри!

Хиггинс *(нетерпеливо)*. Но надо же ей о чем-нибудь говорить! *(Вовремя овладевает собой и садится.)* Да вы не беспокойтесь; все будет хорошо. Пикеринг тоже участвует в этом деле. Я с ним держал пари, что через полгода сумею выдать ее за герцогиню. Я уже не первый месяц над ней работаю, и она делает прямо сногшибательные успехи. Пари можно считать выигранным. У нее прекрасный слух, и с ней гораздо легче, чем с моими учениками из буржуазных кругов, потому что ее учишь всему с самого начала, как учат чужому языку. Она сейчас говорит по-английски, примерно как вы по-французски.

Миссис Хиггинс. Что ж, это не так плохо.

Хиггинс. И да и нет.

Миссис Хиггинс. Не понимаю.

Хиггинс. Видите ли, произношение я ей уже поставил; но с этой девушкой приходится думать не только о том, как она произносит, но и о том, что она произносит; и вот тут-то...

Их перебивает появление горничной, докладывающей о гостях.

Горничная. Миссис и мисс Эйнсфорд Хилл. *(Уходит.)*

Хиггинс. Ах ты черт! *(Вскакивает, хватая шляпу со стола и спешит к двери, но не успевает дойти, как мать уже представляет его.)*

Миссис и мисс Эйнсфорд Хилл – те самые мать и дочь, которые прятались от дождя на Ковент-гарден. Мать тактична, хорошо воспитана, но в ней чувствуется постоянная напряженность, свойственная людям с ограниченными средствами: Дочь усвоила себе

непринужденный тон девицы, привыкшей к светскому обществу: бравада прикрашенной нищеты.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*миссис Хиггинс*). Здравствуйте! Здороваются.

Мисс Эйнсфорд Хилл. Здравствуйте. Здороваются.

Миссис Хиггинс (*представляя*). Мой сын Генри. Миссис Эйнсфорд Хилл. Ваш знаменитый сын! Я так давно, мечтаю с вами познакомиться, профессор Хиггинс!

Хиггинс (*мрачно, не двигаясь с места*). Очень рад. (*Облокачивается на рояль и коротко кивает ей.*)

Мисс Эйнсфорд Хилл (*подходя к нему с доверчивой развязностью*). Здравствуйте.

Хиггинс (*смотрит на нее, вытаращив глаза*). Послушайте, я вас где-то видел. Понятия не имею, где и когда, но голос ваш я тоже слышал. (*Насупившись.*) Впрочем, это неважно. Что вы стоите? Сели бы куда-нибудь.

Миссис Хиггинс. Как это ни грустно, но я должна сказать, что мой знаменитый сын совершенно не умеет вести себя в обществе. Вы уж его простите.

Мисс Эйнсфорд Хилл (*весело*). Охотно. (*Усаживается в елизаветинское кресло.*)

Миссис Эйнсфорд Хилл (*несколько озадаченно*). Разумеется, разумеется. (*Садится на тахту, слева от дочери и справа от миссис Хиггинс, которая отодвинула свое кресло от письменного стола.*)

Хиггинс. А что, я нагрубил кому-нибудь? Честное слово, не хотел. (*Отходит к среднему окну и, став спиной к гостям, созерцает реку и цветники Бэттерси-парка на другом берегу с таким видом, как будто перед ним вечные льды.*), Горничная возвращается, за ней идет Пикеринг.

Горничная. Полковник Пикеринг. (*Уходит.*)

Пикеринг. Здравствуйте, миссис Хиггинс.

Миссис Хиггинс. Очень рада вас видеть. Вы не знакомы? Миссис Эйнсфорд Хилл, мисс Эйнсфорд Хилл.

Обмен поклонами. Полковник ставит чиппендейлевское кресло между миссис Хилл и миссис Хиггинс и садится.

Пикеринг. Генри вам рассказал, какое у нас к вам дело?

Хиггинс (*у него за спиной*). Черта с два: пришли вот и помешали.

Миссис Хиггинс. Генри, Генри, прошу тебя.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*приподымаясь*). Мы, может быть, не вовремя?

Миссис Хиггинс (*встает и заставляя ее снова сесть*). Нет, нет, что вы! Напротив, вы попали очень удачно: мы как раз ждем одну приятельницу, с которой хотим вас познакомиться.

Хиггинс (*обрадованный, поворачивается к ним*). А ведь верно. Нам нужно, чтоб было несколько человек. Вы вполне можете сойти.

Горничная возвращается; за ней идет Фредди.

Горничная. Мистер Эйнсфорд Хилл.

Хиггинс (*забывшись, почти вслух*). Что за дьявольщина? Еще один.

Фредди (*жмет руку миссис Хиггинс*). Здравссте.

Миссис Хиггинс. Как это мило, что вы зашли. (*Представляя.*) Полковник Пикеринг.

Фредди (*кланяется*). Здравссте.

Миссис Хиггинс. С моим сыном вы, кажется, тоже не знакомы – профессор Хиггинс.

Фредди (*подходит к Хиггинсу*). Здравссте.

Хиггинс (*оглядывая его со всех сторон, как жулика*). Даю голову на отсечение, что я и вас уже где-то видел. Но где?

Фредди. Нет, я что-то не помню.

Хиггинс (*покоряясь судьбе*). Ну, это не так важно. Садитесь. (*Пожимая Фредди руку, чуть ли не валит его на тахту, лицом к окнам; потом сам обходит тахту кругом.*)

Хиггинс. Ну вот, значит так. (*Садится на тахту рядом с миссис Эйнсфорд Хилл.*) Черт дери! О чем же нам теперь говорить, пока нет Элизы?

Миссис Хиггинс. Генри! Ты, вероятно, неотразим на заседаниях Королевского общества, но, право же, в более скромных собраниях с тобой очень трудно.

Хиггинс. Правда? Мне очень жаль. *(Внезапно просяв.)* А ведь, знаете, наверно, и в самом деле трудно. *(Шумно хохочет.)* Ха-ха-ха-ха!

Мисс Эйнсфорд Хилл *(которая находит Хиггинса вполне приемлемым объектом для матримониальных устремлений)*. Ах, я вас понимаю. Я не любительница светских разговоров. Если б люди умели быть откровенными и говорить то, что думают!

Хиггинс *(снова насупившись)*. Упаси бог!

Миссис Эйнсфорд Хилл *(перехватывая реплику дочери)*. Но отчего же?...

Хиггинс. То, что люди считают себя обязанными думать, уже достаточно скверно; но от того, что они на самом деле думают, у всех волосы стали бы дыбом. Вряд ли вам было бы приятно, если б я сейчас выложил то, что я на самом деле думаю.

Мисс Эйнсфорд Хилл *(весело)*. Неужели это так легкомысленно?

Хиггинс. Легкомысленно? Кой черт легкомысленно! Просто неприлично.

Миссис Эйнсфорд Хилл *(серьезно)*. О мистер Хиггинс!

Я уверена, что вы шутите.

Хиггинс. Поймите, все мы в известной степени дикари. Предполагается, что мы культурны и цивилизованны, что мы разбираемся в поэзии, философии, искусстве, науке и так далее. Но много ли среди нас таких, которые хотя бы знали толком, что означают все эти названия. *(Мисс Хилл.)* Ну, что вы понимаете в поэзии? *(Миссис Хилл.)* Что вы знаете о науке? *(Указывая на Фредди.)* Что он смыслит в науке, в искусстве, в чем бы то ни было? Что, черт подери, я сам знаю о философии?

Миссис Хиггинс *(предостерегающе)*. Или об искусстве держать себя в обществе...

Горничная *(раскрывая двери)*. Мисс Дулиттл. *(Уходит.)*

Хиггинс *(вскакивает и бросается к миссис Хиггинс)*. Мама, это она. *(Становится за креслом матери и, приподнявшись на цыпочки, знаками показывает входящей Элизе, которая из дам – хозяйка дома.)*

Элиза, безукоризненно одетая, производит такое сильное впечатление своей красотой и элегантностью, что все невольно встают, когда она входит. Следя за сигналами, которые ей подает Хиггинс, она с заученной грацией направляется к креслу миссис Хиггинс.

Элиза *(говорит приятным, музыкальным голосом, с педантичной тщательностью выговаривая слова)*. Здравствуйтесь, миссис Хиггинс! Мистер Хиггинс сказал, что я могу навестить вас.

Миссис Хиггинс *(приветливо)*. Конечно, конечно! Я очень рада вас видеть.

Пикеринг. Здравствуйтесь, мисс Дулиттл.

Элиза *(протягивая ему руку)*. Полковник Пикеринг, если я не ошибаюсь?

Миссис Эйнсфорд Хилл. Я уверена, что мы с вами уже встречались, мисс Дулиттл. Мне знакомы ваши глаза.

Элиза. Очень приятно. *(Грациозно опускается на тахту, на то самое место, откуда только что встал Хиггинс.)*

Миссис Эйнсфорд Хилл *(представляет)*. Моя дочь Клара.

Элиза. Очень приятно.

Клара *(с воодушевлением)*. Очень приятно. *(Садится на тахту рядом с Элизой и пожирает ее глазами.)*

Фредди *(подходит к тахте)*. Я, несомненно, имел уже удовольствие...

Миссис Эйнсфорд Хилл *(представляя)*. Мой сын Фредди.

Элиза. Очень приятно.

Фредди *(кланяется и садится в елизаветинское кресло, млея от восторга)*.

Хиггинс *(внезапно осененный)*. Ах ты черт! Вспомнил, вспомнил! Все недоуменно оглядываются на него. Ковент-гарден! *(С досадой.)* Вот не было печали!

Миссис Хиггинс. Генри, ради бога! *(Видя, что он собирается усесться на ее письменный стол.)* Пожалуйста, не садись на стол, сломаешь.

Хиггинс (*сердито*). Простите! (*Идет к угловому дивану, по дороге спотыкается о каминную решетку и роняет щипцы; приводит все в порядок, ругаясь себе под нос, и, добравшись, наконец, до цели своего неудачного путешествия, бросается на диван с такой силой, что диван угрожающе трещит.*)

Долгая томительная пауза.

Миссис Хиггинс (*прерывает молчание непринужденным тоном*). Любопытно, будет ли сегодня дождь? Элиза. Незначительная облачность, наблюдавшаяся в западной части британских островов, возможно распространится на, восточную область. Барометр не дает основания предполагать сколько-нибудь существенных перемен в состоянии атмосферы.

Фредди. Ха-ха! Вот умора!

Элиза. В чем дело, молодой человек? Я, кажется, все правильно сказала.

Фредди. Потрясающе!

Миссис Эйнсфорд Хилл. Я надеюсь все-таки, что холодов больше не будет. Кругом столько случаев инфлюэнцы. В нашей семье все болеют инфлюэнцей регулярно каждую весну.

Элиза (*сумрачно*). У меня вот тетка умерла, так тоже говорили – от инфлюэнцы.

Миссис Эйнсфорд Хилл *сочувственно прищелкивает языком*. (*Тем же трагическим тоном.*) А я так думаю, просто уколошили старуху.

Миссис Хиггинс (*озадаченно*). Уколошили?

Элиза. Да не иначе, можете мне поверить! С чего бы ей помирать от инфлюэнцы? Она прошлый год дифтеритом болела, и то ничего. Совсем синяя уже была. Я сама видела. Все думали, что она уже готова, а папаша мой взял ложку и давай ей в глотку джин вливать, она и опомнилась, да так быстро, что даже ложку откусила.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*испуганно*). Боже мой!

Элиза (*нагромоздя все новые улики*). Такая здоровенная была – и вдруг помереть от инфлюэнцы! А вот где ее шляпа соломенная, новая, которая мне должна была достаться? Сперли! Вот и я говорю, кто шляпу спер, тот и тетку уколошил.

Миссис Эйнсфорд Хилл. А что это значит – уколошил?

Хиггинс (*поспешно*). О, это новый стиль светского разговора. Уколошить кого-нибудь, значит – убить.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*в ужасе, Элизе*). Вы серьезно полагаете, что вашу тетку убили?

Элиза. А чего ж! Вы не знаете, что там у них за народ, они ее и за булавку шляпную могли убить, не то что за шляпу.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Но ваш отец очень неосторожно поступил, вливая ей в горло алкоголь. Ведь это действительно могло ее убить.

Элиза. Кого, ее? Да она к нему с пеленок была привычная. А потом, сколько папаша этого джину себе в глотку перелил, так уж он в нем знает толк!

Миссис Эйнсфорд Хилл. Вы хотите сказать, что он пил?

Элиза. Ого! Еще как! Запоем.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Как это, должно быть, ужасно!

Элиза. Вот уж ничуть! Ему это только шло на пользу. Да и не всегда уж он пил. (*Весело.*) Так, знаете, погуляет недельку, а потом опять трезвый ходит. А под мухой он не в пример лучше. Когда он без работы сидел, так мать, бывало, даст ему четыре пенса и скажет: «Ступай и не приходи, пока не напьешься так, чтоб был веселый и ласковый». Многим так приходится. Есть такие мужья, что с ними только и житья, когда пьяны. (*Окончательно разойдись.*) Такое уж это дело. Когда человек трезвый, его совесть грызет, вот он и куксится. А пропустит баночку, и все как рукой сняло. (*К Фредди, который корчится от еле сдерживаемого смеха.*) Эй, вы! Что вы тут нашли смешного?

Фредди. Этот новый стиль! Он вам удивительно хорошо удается.

Элиза. А хорошо, так и нечего смеяться. (*Хиггинсу.*) Я разве что-нибудь сказала лишнее?

Миссис Хиггинс (*предупреждая его ответ*). Нет, что вы, мисс Дулиттл!

Элиза. Ну и слава богу. (*С увлечением*.) Я ведь что говорю? Я...

Хиггинс (*встает и смотрит на часы*). Хм...

Элиза (*оглядывается на него, понимает намек и встает тоже*). Ну, мне пора.

Все встают. Фредди идет к дверям.

Очень рада была с вами познакомиться. До свиданья. (*Протягивает руку миссис Хиггинс.*)

Миссис Хиггинс. До свидания.

Элиза. До свидания, полковник Пикеринг.

Пикеринг. До свидания, мисс Дулиттл. (*Пожимает ей руку.*)

Элиза (*кивнув остальным*). И вам всем до свидания.

Фредди (*распахнув перед ней дверь*). Вы, случайно, не через парк идете, мисс Дулиттл?

Может быть...

Элиза. Чего-о? Пешком? К чертовой бабушке!

Все потрясены.

Я на такси поеду. (*Выходит.*)

Пикеринг, *раскрыв рот, валится в кресло. Фредди выходит на балкон, чтобы еще раз посмотреть на Элизу.*

Миссис Эйнсфорд Хилл (*пытаясь оправиться от потрясения*). Нет, я положительно не могу привыкнуть к этому новому стилю.

Клара (*с недовольной гримасой бросаясь в елизаветинское кресло*). Ну хорошо, мама, хорошо. Нельзя быть такой старомодной; люди подумают, что мы нигде не бываем и никого не видим.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Может быть, я и старомодна, но я надеюсь, Клара, что от тебя я никогда не услышу этого выражения. Я уже привыкла к твоей манере говорить на все «дрянь» и «свинство» и называть мужчин хамами, хотя, на мой взгляд, это и некрасиво и неприлично для молодой леди. Но это уж слишком! Вы не находите, полковник Пикеринг?

Пикеринг. Меня вы не спрашивайте. Я несколько лет прожил в Индии, и за это время понятия о приличии так изменились, что порой я не знаю, где нахожусь – в светской гостиной или в паровом кубрике.

Клара. Это все дело привычки. Ничего тут нет ни хорошего, ни плохого. И ничего особенного это не значит. Просто это так необычно, что придает пикантность вещам, которые сами по себе ничуть не остроумны. Мне этот новый стиль очень нравится, и я в нем ничего такого не вижу.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*вставая*). Пожалуй, нам пора.

Пикеринг и Хиггинс встают.

Клара (*вставая*). Да, да, у нас сегодня еще три визита. До свидания, миссис Хиггинс. До свидания, полковник Пикеринг. До свидания, профессор Хиггинс.

Хиггинс (*со свирепым видом подходит к ней и провожает ее до двери*). До свидания. Не забудьте на всех трех визитах продемонстрировать новый стиль. Главное – смелее. Не смущайтесь и шпарьте.

Клара (*сияя улыбкой*). Непременно. До свидания. Пора покончить с этой викторианской чопорностью.

Хиггинс (*искушая*). К чертям ее!

Клара. К чертовой бабушке!

Миссис Эйнсфорд Хилл (*истерически*). Клара!

Клара. Ха-ха! (*Уходит, сияя от приятного сознания, что сумела оказаться на высоте требований моды; с лестницы доносится ее звенящий смех.*)

Фредди (*в пространство*). Нет, вы мне скажите... (*Махнув рукой, подходит к миссис Хиггинс.*) До свидания.

Миссис Хиггинс (*протягивая ему руку*). До свидания. Вы хотели бы снова встретиться с мисс Дулиттл?

Фредди (*поспешно*). Да, да, очень.

Миссис Хиггинс. Мои приемные дни вы знаете, милости просим.

Фредди. Мерси, вы очень любезны. До свидания. (*Уходит.*)

Миссис Эйнсфорд Хилл. До свидания, мистер Хиггинс.

Хиггинс. До свидания, до свидания.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*Пикерингу*). Нет, нет. Я никогда не смогу заставить себя употреблять это ужасное выражение.

Пикеринг. А вы и не старайтесь. Это не обязательно. Вы прекрасно можете обходиться без него.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Да, но Клара опять будет сердиться, – она требует, чтобы от меня так и несло модным жаргоном. До свидания.

Пикеринг. До свидания.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*миссис Хиггинс*). Вы должны простить Клару.

Пикеринг, заметив, что она понизила голос, понимает, что дальнейшее не предназначено для его ушей, и деликатно отходит к окну, у которого стоит Хиггинс.

Мы так бедны! Ее так редко куда-нибудь приглашают, бедняжку! Она просто неопытна.

Миссис Хиггинс, видя, что глаза у гостя влажны, сочувственно пожимает ей руку и провожает до двери.

Но Фредди вам понравился? Правда, славный мальчик?

Миссис Хиггинс. Очень славный. Я ему всегда буду очень рада.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Благодарю вас, дорогая. До свидания. (*Уходит.*)

Хиггинс (*с нетерпением*). Ну как? Можно показывать Элизу в обществе? (*Он вцепился в мать и тащит ее к тахте.*)

Миссис Хиггинс садится на то место, где сидела раньше Элиза; сын – слева от нее. Пикеринг снова усаживается в кресло справа.

Миссис Хиггинс. Глупый ты мальчик! Конечно, нет. Она шедевр твоего искусства и искусства своей портнихи. Но если ты действительно не замечаешь, что она выдает себя каждой своей фразой, значит ты просто с ума сошел.

Пикеринг. И вы думаете, тут ничего нельзя сделать? Нельзя как-нибудь удалить из ее речи генеалогические ассоциации?

Миссис Хиггинс. Едва ли это возможно, пока она в руках Генри.

Хиггинс (*обиженно*). Что ж, по-вашему, я разговариваю не так, как принято в обществе?

Миссис Хиггинс. Нет, милый, отчего же; это смотря в каком обществе. На грузовой пристани, например, вероятно так именно и принято; но на званом обеде в Челси обычно разговаривают иначе.

Хиггинс (*глубоко оскорбленный*). Ну, знаете ли...

Пикеринг (*прерывая его*). Ну, ну, Хиггинс, вы сами за собой не замечаете. Таких словечек, как ваши, я не слышал уже лет двадцать – с тех пор как обучал волонтеров в Гайд-парке.

Хиггинс (*надувшись*). Если вам угодно, я готов признать, что не всегда изъясняюсь, как епископ с амвона.

Миссис Хиггинс (*успокаивая его движением руки*). Полковник Пикеринг, может быть вы мне расскажете толком, что происходит на Уимпол-стрит?

Пикеринг (*радостно, как будто это совершенно меняет тему разговора*). Я теперь там и живу, у Генри. Мы вместе работаем над моей книгой об индийских диалектах, и мы решили, что так нам будет удобнее...

Миссис Хиггинс. Да, да. Это я все знаю; это действительно прекрасная мысль. Но где живет эта девушка?

Хиггинс. Как где? У нас, конечно. Где же ей еще жить?

Миссис Хиггинс. Но на каком она положении в доме? Прислуга, горничная? А если не

горничная, так что же она?

Пикеринг (*с расстановкой*). Я, кажется, понимаю ваш вопрос, миссис Хиггинс.

Хиггинс. Ну, а я ни черта не понимаю. Я только знаю, что почти три месяца изо дня в день работал над этой девушкой, чтобы научить ее тому, что она теперь умеет. А потом – от нее вообще есть прок. Она знает, где лежат мои вещи, и помнит, куда мне нужно пойти, и тому подобное.

Миссис Хиггинс. А как уживается с ней твоя экономка?

Хиггинс. Миссис Пирс? Да она очень рада, что у нее теперь хлопот меньше; раньше ведь ей приходилось отыскивать мои вещи и напоминать мне, куда я должен идти. Но у нее какой-то заскок насчет Элизы. Она постоянно твердит: «Вы ни о чем не думаете, сэр». Верно ведь, Пикеринг?

Пикеринг. Да, это неизменная формула: «Вы ни о чем не думаете, сэр». Так кончаются у нее все разговоры об Элизе. Хиггинс. А я только и думаю, что об этой девушке и об ее проклятых гласных и согласных. Даже устал – сколько мне приходится о ней думать. И не только думать, но и изучать каждое движение ее губ, ее челюстей, ее языка, не говоря уж об ее душе, – а это самое непонятное.

Миссис Хиггинс. Дети вы, дети! Завели себе живую куклу и играете с ней.

Хиггинс. Хороша игра! Да это самая трудная работа, за какую я когда-либо брался, помните это, мама. Но если бы вы знали, как это интересно, – взять человека и, научив его говорить иначе, чем он говорил до сих пор, сделать из него совершенно другое, новое существо. Ведь это значит – уничтожить пропасть, которая отделяет класс от класса и душу от души.

Пикеринг (*придвигая свое кресло к миссис Хиггинс и в пылу разговора даже наклоняясь к ней*). Да, да, это замечательно. Уверяю вас, миссис Хиггинс, мы очень серьезно относимся к Элизе. Каждую неделю, можно сказать, каждый день в ней появляется что-нибудь новое. (*Придвигается еще ближе.*) Каждая стадия у нас фиксируется. Мы уже сделали сотни фотографий, десятки граммофонных записей.

Хиггинс (*штурмуя другое ее ухо*). Да, черт побери! Такого увлекательного эксперимента мне еще никогда не удавалось поставить! Она заполнила всю нашу жизнь. Верно, Пикеринг?

Пикеринг. Мы постоянно говорим об Элизе.

Хиггинс. Учим Элизу.

Пикеринг. Одеваем Элизу.

Миссис Хиггинс. Что?

Хиггинс. Придумываем каждый раз новую Элизу.

Миссис Хиггинс (*заткнув уши, так как теперь оба уже орут во все горло, стараясь перекричать друг друга*). Шшш-шш!

Они замолкают.

Пикеринг. Простите, пожалуйста. (*Смущенный, отодвигает свое кресло.*)

Хиггинс. Извините. Этот Пикеринг когда начинает кричать, так никому больше слова нельзя вставить.

Миссис Хиггинс. Замолчи, Генри. Полковник Пикеринг, вам не приходит в голову, что, когда Элиза появилась на Уимпол-стрит, вместе с ней появилось еще кое-что?

Пикеринг. Там еще появлялся ее отец. Но Генри его быстро спровадил.

Миссис Хиггинс. Естественнее было бы, если б явилась мать. Но я не об этом говорю. Вместе с ней появилась...

Пикеринг. Что же, что?

Миссис Хиггинс (*невольно выдавая этим словом, к какому поколению она принадлежит*). Проблема...

Пикеринг. Ага, понимаю! Проблема, как сделать, чтобы она могла сойти за даму из общества.

Хиггинс. Эту проблему я разрешу. Я ее уже почти разрешил.

Миссис Хиггинс. Да нет же! До чего может дойти мужская тупость! Проблема, что с ней делать после.

Хиггинс. Не вижу, где тут проблема. Будет жить, как ей хочется, пользуясь всеми преимуществами моей науки.

Миссис Хиггинс. Да, вот так, как живет эта бедная женщина, которая только что вышла отсюда. Привычки и манеры светской дамы, но только без доходов светской дамы, при полном неумении заработать себе на хлеб, – это ты называешь преимуществом?

Пикеринг (*снисходительно; эти рассуждения кажутся ему скучными*). О, это все как-нибудь устроится, миссис Хиггинс. (*Встает, чтобы проститься.*)

Хиггинс (*тоже встает*). Мы ей найдем какую-нибудь работу полегче.

Пикеринг. Она очень довольна своей судьбой. Не беспокойтесь о ней. До свидания. (*Пожимает руку миссис Хиггинс с таким видом, словно утешает испуганного ребенка, затем идет к двери.*)

Хиггинс. И во всяком случае, сейчас уже не о чем говорить. Дело сделано. До свидания, мама. (*Целует ее и идет за Пикерингом.*)

Пикеринг (*обернувшись, в виде особого утешения*). Есть масса возможностей. Мы сделаем все, что нужно. До свидания.

Хиггинс (*Пикерингу, на пороге*). Давайте свезем ее на шекспировскую выставку в Эрл-корт.

Пикеринг. Давайте, очень хорошо! Представляю, какие она будет отпускать забавные замечания!

Хиггинс. А потом, когда мы вернемся домой, станет передразнивать всю публику.

Пикеринг. Чудесно!

Слышно, как они оба смеются, спускаясь по лестнице.

Миссис Хиггинс (*порывисто встает с тахты и возвращается к своему письменному столу. Усевшись, отбрасывает в сторону лежащие в беспорядке бумаги; достает чистый лист из бювара и решительно берется за перо. Но, написав три строчки, она отказывается от своего намерения, бросает перо, сердито упирается ладонями в стол и восклицает*). Ах, мужчины! Мужчины!! Мужчины!!!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лаборатория на Уимпол-стрит. Полночь. В комнате никого нет. Камин не топится: лето. Часы на камине бьют двенадцать. На лестнице слышны голоса Хиггинса и Пикеринга.

Хиггинс (*окликает Пикеринга*). Пик, вы там, пожалуйста, закройте парадную дверь. Я сегодня уже никуда не пойду.

Пикеринг. Хорошо. Миссис Пирс может идти спать? Нам больше ничего не понадобится?

Хиггинс. Да нет, пусть ее ложится!

Отворяется дверь, и в освещенном квадрате показывается Элиза – в роскошном вечернем туалете, в манто, в брильянтах, с цветами и веером в руках и при всех прочих аксессуарах. Она подходит к камину и зажигает лампу. Видно, что она очень утомлена; темные волосы и глаза резко оттеняют бледность лица, выражение почти трагическое. Она снимает манто, кладет на рояль веер и цветы, садится на скамью и печально молчит. Входит Хиггинс во фраке, пальто и цилиндре; под мышкой у него домашняя куртка, которую он захватил внизу. Он снимает цилиндр и пальто, бросает то и другое на журнальный столик, бесцеремонно стаскивает фрак, надевает домашнюю куртку и устало разваливается в кресле у камина. Входит Пикеринг в столь же парадном облачении. Он тоже снимает пальто и цилиндр и уже собирается отправить их вслед за пожитками Хиггинса, но в последнее мгновение спохватывается.

Пикеринг. Попадет нам завтра от миссис Пирс, если мы бросим все вещи тут.

Хиггинс. Ну, откройте дверь и спустите их по перилам в холл. Утром она их найдет и повесит на место. Она подумает, что мы пришли домой пьяные.

Пикеринг. А есть немножко. Что, писем не было?

Хиггинс. Я не смотрел.

Пикеринг берет цилиндр и пальто и идет вниз.

(Хиггинс, вперемежку с зевками, принимается мурлыкать арию из « La fanciulla del Golden Vest»¹. Вдруг он обрывает пение и восклицает.) Хотел бы я знать, черт подери, где мои туфли?

Элиза мрачно смотрит на него, потом порывисто встает и выходит из комнаты. Хиггинс зевает и снова затягивает свою арию. Возвращается Пикеринг с пачкой писем в руках.

Пикеринг. Только проспекты и вам какой-то billet-doux с графской короной. *(Бросает проспекты в топку и становится у камина, прислонясь спиной к каминной топке.)*

Хиггинс *(взглянув на billet-doux)*. Кредитор. *(Швыряет письмо туда же.)*

Элиза возвращается, держа в руках пару больших стоптанных туфель. Она ставит их на коврик перед Хиггинсом и садится на прежнее место, не проронив ни слова.

Хиггинс *(зевая снова)*. Господи! Что за вечер! Что за публика! Что за балаган! *(Поднимает ногу, чтобы расшнуровать ботинок, и замечает туфли. Забыв про ботинок, смотрит на них так, как будто они появились тут сами по себе.)* А! Вот они, туфли.

Пикеринг *(потягиваясь)*. Сказать по правде, я все-таки устал. Пикник, званый обед, а потом еще опера! Что-то уж слишком много удовольствий сразу. Но пари вы выиграли, Хиггинс: Элиза справилась с ролью, и как еще справилась!

Хиггинс *(с жаром)*. Слава богу, что все уже кончено!

Элизу передергивает, но они не обращают на нее внимания. Она, овладев собой, снова сидит неподвижно, как каменная.

Пикеринг. Вы волновались на пикнике? Я волновался. А Элиза, по-моему, ничуть.

Хиггинс. Элиза? Даже и не думала. Да я и знал, что все сойдет хорошо. Просто переутомился за все эти месяцы, вот оно теперь и сказалось. Первое время, пока мы занимались только фонетикой, это было интересно, но потом мне до смерти надоело. Если б не пари, я бы уже давно послал это к черту. Глупая в общем была затея; все оказалось гораздо скучнее, чем мы думали.

Пикеринг. Ну, что вы! На пикнике было много острых моментов. У меня даже сердце замирало.

Хиггинс. Да, первые три минуты. А когда стало ясно, что мы побеждаем без боя, я почувствовал себя, как медведь, запертый в клетке и не знающий, куда деваться от безделья. А обед был еще хуже: сиди и жуй целый час, и даже слова сказать не с кем, кроме какой-то модной дуры. Нет, Пикеринг, можете быть уверены, с меня довольно. Больше я производством герцогинь не занимаюсь. Это была сплошная пытка.

Пикеринг. Вам просто не хватает настоящей светской дрессировки. *(Шагает по направлению к роялю.)* А я иногда люблю окунуться в эту атмосферу: как-то чувствуешь себя опять молодым. Во всяком случае, это был успех, потрясающий успех! Раза два я даже испугался, настолько хорошо Элиза себя держала. Понимаете, настоящие герцогини очень часто не умеют себя держать; они так глупы, что воображают, будто к людям их положения хорошие манеры приходят сами собой, и поэтому не хотят им учиться. Когда что-нибудь делается не просто хорошо, а превосходно, в этом всегда чувствуется профессионализм.

Хиггинс. Да, вот это меня и бесит: болваны, которые даже болванами не умеют быть по всем правилам. *(Встает.)* Ну, так или иначе, дело кончено и все уже позади; можно по крайней мере лечь спать без страха перед завтрашним днем. *Красота Элизы становится*

¹ *La fanciulla del Golden Vest* («Девушка с Золотого Запада») – опера итальянского композитора Джакомо Пуччини.

зловещей.

Пикеринг. Да, и я, пожалуй, на боковую. Все-таки это было большое событие; мы одержали блестящую победу. Спокойной ночи. *(Уходит.)*

Хиггинс *(идет за ним)*. Спокойной ночи. *(Обернувшись на пороге.)* Элиза, погасите свет и скажите миссис Пирс, чтобы она не варила мне утром кофе, я буду пить чай. *(Уходит.)*

Элиза, *всячески сдерживая себя и стараясь казаться равнодушной, встает и идет к выключателю. Когда она достигает камина, она уже на последнем взводе. Она опускается в кресло Хиггинса и сидит с минуту, судорожно сцепившись в ручки. Но в конце концов нервы у нее сдают, и она в порыве бессильной злобы бросается на пол.*

Хиггинс *(за дверью, раздраженно)*. Куда опять девались эти чертовы туфли? *(Появляется на пороге.)*

Элиза *(хватает туфли и одну за другой с силой швыряет ему прямо в лицо)*. Вот вам ваши туфли! И вот вам ваши туфли! Возьмите их, и чтоб вы в них минуты покоя не знали.

Хиггинс *(изумленный)*. Что за черт!... *(Подходит к ней.)* В чем дело? Вставайте. *(Тащит ее за плечи.)* Что-нибудь случилось?

Элиза *(задыхаясь)*. С вами ничего не случилось. Я вам выиграла ваше пари, да? Ну и прекрасно! А до меня вам никакого дела нет.

Хиггинс. Вы мне выиграли пари! Вы! Пигалица несчастная! Я сам выиграл пари. Зачем вы бросили в меня туфли?

Элиза. Потому что я хотела разбить вам голову. Я бы вас задушила сейчас, себялюбивое, толстокожее животное. Вы меня вытащили из грязи! А кто вас просил? Теперь вы благодарите бога, что все уже кончилось и можно выбросить меня обратно в грязь. *(В ярости ломает пальцы.)*

Хиггинс *(глядя на нее с холодным любопытством)*. Оказывается, это существо все-таки нервничает.

Элиза *издает сдавленный крик ярости и бросается на него, словно хочет выцарапать ему глаза.*

(Хиггинс, схватив ее за руки.) Этого еще не хватало! Когти долой, кошка! Как вы смеете распускаться передо мной? Садитесь и молчите. *(Швыряет ее в кресло.)*

Элиза *(подавленная его превосходством в силе и весе)*. Что со мной будет? Что со мной будет?

Хиггинс. А я откуда знаю, что с вами будет? И какое мне, черт дери, до этого дело?

Элиза. Вам нет дела. Я знаю, что вам нет дела. Пусть я даже умру, – вам все равно нет дела! Я для вас ничто, хуже вот этих туфель.

Хиггинс *(громовым голосом)*. Туфель!!!

Элиза *(с горькой покорностью)*. Туфель! Мне кажется, теперь это уже неважно.

Пауза. Элиза поникла в безвыходном отчаянии; Хиггинс проявляет признаки некоторого беспокойства.

Хиггинс *(собрав все свое высокомерие)*. Что это вообще все обозначает? Я бы хотел знать, вы чем-нибудь недовольны, с вами здесь плохо обращались?

Элиза. Нет.

Хиггинс. Кто-нибудь вас обижал? Полковник Пикеринг? Миссис Пирс? Кто-нибудь из прислуги?

Элиза. Нет.

Хиггинс. Надеюсь, вы не посмеете сказать, что я вас обижал?

Элиза. Нет.

Хиггинс. Очень рад это слышать. *(Сбавив тон.)* Вы, может быть, просто устали после этого тяжелого дня? Хотите бокал шампанского? *(Делает движение к двери.)*

Элиза. Нет. *(Вспомнив прежние уроки.)* Благодарю вас.

Хиггинс *(к которому вернулось обычное добродушие)*. Это уж у вас несколько дней накапливается. Вы немножко побаивались этого пикника. Что ж, вполне естественно. Но

ведь теперь все уже кончено. *(Ласково треплет ее по плечу.)*

Она съеживается.

Больше не о чем беспокоиться.

Элиза. Да. Вам больше не о чем беспокоиться. *(Она вдруг встает и, обойдя его, возвращается на прежнее свое место у рояля, садится на скамью и закрывает лицо руками.)* О господи! Как бы я хотела умереть!

Хиггинс *(смотрит на нее с искренним удивлением)*. Но почему? Объясните вы мне, ради бога, почему? *(Подходит к ней и старается ее урезонить.)* послушайте, Элиза, ваше раздраженное состояние вызвано чисто субъективными причинами.

Элиза. Не понимаю. Слишком умно для меня. Хиггинс. Все это вы сами себе внушили. Дурное настроение, и. ничего больше. Никто вас не обидел. Ничего не случилось. Будьте умницей, идите ложитесь спать, и к утру все пройдет. Поплачьте немного, прочитайте молитву, сразу легче станет. Элиза. Спасибо, вашу молитву я слышала: «Слава богу, что все уже кончилось».

Хиггинс *(нетерпеливо)*. Ну хорошо, а разве для вас это не «слава богу»? Вы теперь свободны и можете делать, что хотите.

Элиза *(отчаяние вдруг придает ей силы)*. А на что я гожусь? К чему вы меня приспособили? Куда мне идти? Что мне делать? Что теперь будет со мной?

Хиггинс *(уразумевший, наконец, истину, но ничуть ею не тронутый)*. Ах, так вот что вас тревожит! *(Засовывает руки в карманы и, побрякивая по своей привычке их содержимым, принимается шагать по комнате, как будто из любезности снисходя до разговора на тривиальную и неинтересную тему.)* Я бы на вашем месте об этом не задумывался. Не сомневаюсь, что вы без особого труда устроите тем или иным способом свою судьбу, хотя я еще как-то не думал о том, что вы уедете отсюда. *(Она бросает на него быстрый взгляд, но он на нее не смотрит; остановился перед вазой с фруктами, стоящей на рояле, и после некоторого раздумья решает съесть яблоко.)* Вы, например, можете выйти замуж. *(Откусывает большой кусок яблока и шумно жует.)* Должен вам сказать, Элиза, что не все мужчины такие убежденные старые холостяки, как мы с полковником. Большинство мужчин – несчастные! – принадлежит к разряду женящихся; а вы совсем не дурны собой, иногда на вас даже приятно посмотреть, – не сейчас, конечно, потому что сейчас лицо у вас распухло от слез и стало безобразным, как смертный грех. Но когда вы в своем виде, так сказать, я бы даже назвал вас привлекательной. То есть, конечно, для мужчин, расположенных к женитьбе. Вот послушайте меня, ложитесь в постель и хорошенько выспитесь, а утром, когда встанете, посмотритесь в зеркало, и у вас сразу настроение исправится.

Элиза *опять поднимает на него глаза, не шевелясь и не произнося ни слова. Но взгляд ее пропадает даром: Хиггинс усердно жует с мечтательно-блаженным видом, так как яблоко попало хорошее.*

(Осененный внезапной мыслью.) Знаете что? Я уверен, что мама могла бы подыскать вам какого-нибудь подходящего субъекта.

Элиза. Как я низко скатилась после Тоттенхем-Корт-Род.

Хиггинс *(просыпаясь)*. То есть как это?

Элиза. Там я торговала цветами, но не торговала собой. Теперь вы сделали из меня леди, и я уже ничем не могу торговать, кроме себя. Лучше бы вы меня не трогали.

Хиггинс *(решительно зашвыривает огрызок яблока в камин)*. Что за вздор, Элиза! Вы просто оскорбляете человеческие отношения этими ханжескими разглагольствованиями о купле и продаже. Можете не выходить за него, если он вам не понравится.

Элиза. А что же мне делать?

Хиггинс. Да мало ли что! Вот вы раньше мечтали о цветочном магазине. Пикеринг мог бы вам устроить это дело, у него куча денег. *(Фыркнув.)* Ему еще придется заплатить за ваши сегодняшние тряпки; а если присчитать сюда плату за прокат брильянтов, то с двухсот фунтов он не много получит сдачи. Черт возьми! Полгода назад вы даже мечтать не смели о

такой райской доле, как собственный цветочный магазин. Ну, ладно; все будет хорошо. А теперь я иду спать, у меня прямо глаза слипаются. Да, позвольте: я ведь сюда за чем-то пришел... Черт меня побери, если я помню, за чем именно...

Элиза. За туфлями.

Хиггинс. Ах, да, да – ну конечно, за туфлями. А вы их побросали в меня. *(Подбирает обе туфли и уже собирается уходить, но в это время Элиза поднимается и останавливает его).*

Элиза. Одну минутку, сэр...

Хиггинс *(услышав такое обращение, роняет туфли от неожиданности)*. Что?

Элиза. Скажите, платья, которые я ношу, – они мои или полковника Пикеринга?

Хиггинс *(возвращаясь на середину комнаты с таким видом, как будто ее вопрос – высшая степень бессмыслицы)*. На кой черт Пикерингу дамские платья!

Элиза. Они могут пригодиться для следующей девушки, над которой вы будете экспериментировать.

Хиггинс *(пораженный и уязвленный)*. Хорошего же вы о нас мнения!

Элиза. Я не хочу больше беседовать на эту тему. Я хочу знать только одно: что из моих вещей принадлежит мне? К сожалению, платье, в котором я сюда пришла, сожгли.

Хиггинс. А не все ли равно? Зачем вам вдруг понадобилось выяснять это в час ночи?

Элиза. Я хочу знать, что я имею право взять с собой. Я не желаю, чтоб меня потом назвали воровкой.

Хиггинс *(на этот раз глубоко оскорбленный)*. Воровкой! Как вам не стыдно так говорить, Элиза. Я ожидал от вас больше, чувства.

Элиза. Извините. Я простая, темная девушка, и в моем положении мне приходится быть очень осторожной. Между такими, как вы, и такими, как я, не может быть речи о чувствах. Будьте так добры сказать мне точно, что здесь мое и что не мое.

Хиггинс *(сердится)*. Можете прихватить с собой весь этот хлам и самого черта в придачу! Оставьте только брильянты; они прокатные. Устраивает это вас? *(Поворачивается, чтобы уйти, вне себя от возмущения.)*

Элиза *(она упивается его волнением, словно божественным нектаром, и готовит новую придирку, чтобы продлить удовольствие)*. Постойте, еще минутку. *(Снимает драгоценности.)* Будьте добры, возьмите это к себе в спальню. Я не хочу рисковать – еще пропадет что-нибудь.

Хиггинс *(в бешенстве)*. Давайте сюда.

Она передает ему драгоценности.

Если б это были мои брильянты, а не прокатные, я бы вас заставил подавиться ими. *(Рассовывает драгоценности по карманам, неожиданно украсив при этом свою особу свесившимися концами ожерелья.)*

Элиза *(снимая кольцо с пальца)*. Это кольцо не прокатное: это то, которое вы мне купили в Брайтоне. Теперь оно мне не нужно.

Хиггинс *с размаху швыряет кольцо в камин и оборачивается к ней с таким свирепым видом, что она, закрывая лицо руками, жмется к роялю.*

Ай! Не бейте меня!

Хиггинс. Бить вас! Неблагодарная тварь! Как вы смеете обвинять меня в таких гнусностях! Это вы меня ударили! Вы ранили меня в самое сердце.

Элиза *(затрепетав от скрытой радости)*. Очень рада. Значит, я хоть немножко с вами посчиталась.

Хиггинс *(с достоинством, самым своим изысканным профессорским тоном)*. Вы заставили меня потерять терпение, чего со мной почти никогда не бывало. Будем считать разговор на сегодня оконченным. Я иду спать.

Элиза *(дерзко)*. Вы лучше оставьте миссис Пирс записку насчет кофе, потому что я ей ничего не скажу.

Хиггинс *(негромко и вежливо)*. К черту миссис Пирс, и к черту кофе, и к черту вас, и к

черту меня самого, за то, что я, дурак, тратил свои упорным трудом приобретенные знания и драгоценные сокровища своей души на бессердечную уличную девчонку! *(Выходит, величественно и гордо подняв голову, но, впрочем, под конец портит весь эффект, изо всех сил хлопнув дверью.)*

Элиза улыбается, в первый раз за все время, потом дает выход своим чувствам в бурной пантомиме, в которой подражание торжественному выходу Хиггинса чередуется с изъятиями восторга по поводу одержанной победы, наконец опускается на колени перед камином и шарит в нем в поисках кольца.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Гостиная миссис Хиггинс. Хозяйка дома опять у письменного стола. Входит горничная.

Горничная *(в дверях)*. Мистер Генри внизу, мэм, и с ним полковник Пикеринг.

Миссис Хиггинс. Просите их сюда.

Горничная. Они говорят по телефону, мэм. Кажется, они вызывают полицию.

Миссис Хиггинс. Что?

Горничная *(подходит ближе и говорит, понизив голос)*. Мистер Генри как будто не в духе, мэм. Я хотела вас предупредить.

Миссис Хиггинс. Если бы вы мне сказали, что мистер Генри в духе, это было бы гораздо более удивительно. Когда они покончат с полицией, попросите их подняться сюда. У мистера Генри, вероятно, что-нибудь пропало.

Горничная. Слушаю, мэм.

Миссис Хиггинс. Ступайте наверх и скажите мисс Дулиттл, что мистер Генри и полковник здесь. Попросите ее не выходить, пока я за ней не пришлю.

Горничная. Слушаю, мэм.

В комнату врывается Хиггинс. Горничная была права: он явно не в духе.

Хиггинс. Послушайте, мама, как вам нравится эта история?!

Миссис Хиггинс. Это ты, мой милый? Доброе утро.

Хиггинс подавляет свое раздражение и целует мать; горничная выходит.

Какая история?

Хиггинс. Элиза сбежала.

Миссис Хиггинс *(невозмутимо продолжая писать)*. Вы, вероятно, напугали ее чем-нибудь?

Хиггинс. Чепуха! Никто ее не пугал. Вчера вечером мы ушли спать, а она, как всегда, осталась гасить лампы и тому подобное; а потом, вместо того чтобы лечь, переделась и ушла: ее постель даже не смята. В половине седьмого утра она приезжала в кебе за своими вещами; и эта дура, миссис Пирс, ни слова не сказав мне, отдала ей вещи и отпустила ее. Что мне теперь делать?

Миссис Хиггинс. Привыкать обходиться без нее. Девушка имела полное право уйти, если ей захотелось.

Хиггинс *(рассеянно блуждая по комнате)*. Но я не могу найти ни одной своей вещи. Я не знаю, когда и куда я должен идти. Я...

Входит Пикеринг. Миссис Хиггинс откладывает перо и отодвигается от письменного стола.

Пикеринг *(пожимая ей руку)*. Доброе утро, миссис Хиггинс. Генри уже рассказал вам? *(Садится на тахту)*.

Хиггинс. Ну, что говорит этот осел инспектор? Вы сказали, чтоб они назначили награду?

Миссис Хиггинс *(поднимается, удивленная и негодующая)*. Вы что, в самом деле собрались разыскивать Элизу через полицию?

Хиггинс. Конечно! А что мы еще можем сделать? Полиция на то и существует.

(Усаживается в елизаветинское кресло.)

Пикеринг. С инспектором очень нелегко было сговориться. Мне кажется, он нас заподозрил в каких-то неблагоприятных намерениях.

Миссис Хиггинс. И не удивительно. Кто дал вам право заявлять об этой девушке в полицию, как будто она воровка или потерянный зонтик? Это уж слишком. *(Садится на свое место, возмущенная до глубины души.)*

Хиггинс. Но мы хотим ее найти.

Пикеринг. Поймите, миссис Хиггинс, мы не можем допустить, чтобы она вот так исчезла навсегда. Что ж нам делать?

Миссис Хиггинс. У вас у обоих здравого смысла не больше, чем у пятилетних младенцев. Почему...

Разговор прерывает вошедшая горничная.

Горничная. Мистер Генри, там вас спрашивает какой-то джентльмен, по срочному делу. Он был у вас, и его направили сюда.

Хиггинс. А ну его к черту! Мне сейчас не до срочных дел. Кто он такой?

Горничная. Какой-то мистер Дулиттл, сэр.

Пикеринг. Дулиттл! Это что же, мусорщик?

Горничная. Мусорщик! Нет, что вы, сэр! Это джентльмен.

Хиггинс *(вскакивает в волнении)*. Ах, черт подери! Пик! Это, верно, какой-нибудь родственник, у которого она укрылась. Кто-нибудь, кого мы не знаем. *(Горничной.)* Давайте его сюда, живее.

Горничная. Слушаю, сэр. *(Выходит.)*

Хиггинс *(подходя к матери, оживленно)*. Родственник-джентльмен! Ну, сейчас мы услышим что-нибудь интересное. *(Усаживается в чиппендейлевское кресло.)*

Миссис Хиггинс. А вы знаете кого-нибудь из ее родственников?

Пикеринг. Только отца; мы вам о нем рассказывали.

Горничная *(докладывает)*. Мистер Дулиттл. *(Уходит.)*

Входит Дулиттл. Он разодет по последней моде: безукоризненный новый фрак, белый жилет и серые брюки. Цветок в петлице, ослепительный цилиндр и лакированные ботинки дополняют картину. Он настолько поглощен целью своего визита, что не замечает миссис Хиггинс. Он прямо подступает к Хиггинсу и обрушивается на него с упреками.

Дулиттл *(указывая на себя)*. Посмотрите! Вы видите! Это все вы наделали!

Хиггинс. Позвольте, что «все»?

Дулиттл. Вот это все! Взгляните, я вас прошу. Взгляните на эту шляпу. Взгляните на этот фрак.

Пикеринг. Это Элиза вас так нарядила?

Дулиттл. Элиза! Еще что! С какой это стати Элиза меня будет наряжать?

Миссис Хиггинс. Доброе утро, мистер Дулиттл. Садитесь, пожалуйста.

Дулиттл *(сконфуженный тем, что не сразу заметил хозяйку дома)*. Прошу извинить, мэм. *(Подходит к ней и жмет протянутую руку.)* Покорнейше благодарен. *(Усаживается на тахту, справа от Пикеринга.)* Так это меня расстроило, то, что со мной случилось, просто больше ни о чем думать не могу.

Хиггинс. Да что же, черт дерит, с вами случилось?

Дулиттл. Если б еще это просто случилось; ну что ж, случиться с каждым может; тут все, как говорится, от бога. Но это не случилось, это все вы со мной сделали! Да, вы, Генри Хиггинс!

Хиггинс. Вы нашли Элизу? Остальное меня не интересует.

Дулиттл. А вы разве ее потеряли?

Хиггинс. Да.

Дулиттл. Ну и везет же вам! Нет, я ее не находил; но вот она меня теперь живо найдет – после того, что вы со мной сделали.

Миссис Хиггинс. Но что же с вами сделал мой сын, мистер Дулиттл?

Дулиттл. Что он со мной сделал? Погубил меня. Отравил мой покой. Связал меня и отдал в лапы буржуазной морали.

Хиггинс (*возмущенно встает и надвигается на Дулиттла*). Вы бредите. Вы пьяны. Вы с ума сошли! Я дал вам пять фунтов. После этого я разговаривал с вами еще два раза, по полкроны в час. И больше я вас в глаза не видел.

Дулиттл. Ах, я пьян? Ах, я сумасшедший? Хорошо! Тогда вы мне скажите: писали вы письмо одному шкодливому старикашке в Америке, который пять миллионов отвалил на устройство по всему свету Общества моральных реформ и хотел, чтоб вы ему выдумали международный язык? Писали или не писали?

Хиггинс. Что такое? Вы говорите об Эзре Д. Уоннафеллере? Но он же умер. (*Успокоившись, садится на место.*)

Дулиттл. Да, он умер, а я погиб. Нет, вы мне скажите, писали вы ему письмо про то, что самый сейчас оригинальный моралист во всей Англии – это Альфред Дулиттл, простой мусорщик? Писали или не писали?

Хиггинс. Кажется, после нашего последнего разговора я действительно отпустил какую-то глупую шутку в этом роде.

Дулиттл. Хороша шутка! Она меня в гроб уложила, эта ваша шутка! Ведь ему только того и нужно было – показать, что вот, мол, американцы не такие, как мы, что они признают и уважают в человеке его достоинство, к какому бы классу общества он ни принадлежал. Так это и сказано в его завещании черным по белому; а еще там сказано, по вашей, Генри Хиггинс, милости, что он оставляет мне пай в своем сыроваренном тресте «Друг желудка» на три тысячи годового дохода, при условии, что я буду читать лекции в его, уоннафеллеровской, Всемирной лиге моральных реформ, когда только меня позовут, – до шести раз в год. Хиггинс. Вот черт! (*Внезапно просияв.*) А ведь неплохо придумано!

Пикеринг. Вы ничем не рискуете, Дулиттл. Больше одного раза вас не позовут,

Дулиттл. Да я лекций не боюсь. Это мне нипочем: такого им начитаю, что у них глаза на лоб полезут. Но вот что из меня джентльмена сделали, этого я не могу стерпеть. Кто его просил делать из меня джентльмена? Жил я в свое удовольствие, тихо, спокойно, ни от кого не зависел, у всякого умел деньги вытянуть, если нужно было, – вы это знаете, Генри Хиггинс. Теперь я минуты покоя не знаю; я связан по рукам и ногам; теперь всякий у меня норовит вытянуть деньги. «Вам счастье выпало», – говорит мой адвокат. «Вот как, – говорю я. – Вы, верно, хотите сказать, что *вам* выпало счастье». Когда я был бедным человеком, пришлось мне раз иметь дело с адвокатом, – это когда у меня в мусорном фургоне детская коляска оказалась, – так он только и смотрел, как бы ему скорей покончить с этим делом, да и отвязаться от меня. Доктора тоже: рады, бывало, вытолкать меня из больницы, когда я еще и на ногах не держусь; зато денег не стоило. А теперь вот находят, что я слабоват здоровьем и того гляди помру, если они ко мне не будут навеваться по два раза в день. Дома мне пальцем не дают шевельнуть самому; все за меня делают другие, а с меня денежки тянут за это. Год тому назад у меня не было никаких родственников, кроме двух-трех, которые меня знать не хотели. А теперь их объявилось штук пятьдесят, и у всех на хлеб не хватает. Живи не *для* себя, а для других: вот вам буржуазная мораль. А вы говорите – Элиза потерялась! Не беспокойтесь, пари держу, что она сейчас уже звонит у моего подъезда; а ведь отлично обходилась своими цветочками, пока из папаши не сделали почтенного буржуа. Теперь вот и вы с меня будете деньги тянуть, Генри Хиггинс. Придется мне у вас учиться разговаривать по-буржуазному; ведь просто по-человечески мне уже теперь не к лицу говорить. Тут-то и настает ваш черед: уж не для того ли вы это все и подстроили?

Миссис Хиггинс. Но, мой милый мистер Дулиттл, если вам действительно так это все неприятно, зачем же терпеть это? Вы вправе отказаться от наследства. Никто вас не может заставить. Не правда ли, полковник Пикеринг?

Пикеринг. Конечно.

Дулиттл (*несколько смягчая свой тон из уважения к ее полу*). В том-то и трагедия, мэм. Легко сказать: откажись! А если у меня духу не хватает? Да у кого хватило бы? Все мы

запуганы, мэм. Да, вот именно: запуганы. Пусть я откажусь: что меня тогда ждет в старости – рабочий дом? Мне и сейчас уже приходится красить волосы, чтоб не потерять своего места мусорщика. Если б я был из породы достойных бедняков и успел отложить кое-что, тогда б еще можно отказаться: но тогда бы оно и ни к чему, потому что достойным беднякам живется не лучше, чем millionaireам. Они даже и не понимают, что это значит – жить в свое удовольствие. Но мне, бедняку недостойному, только и спасенье от казенной койки, что эти несчастные три тысячи в год, которые тащат меня в компанию буржуазной сволочи, – извините за выражение, мэм, но вы бы и сами без него не обошлись, если б побыли в моей шкуре. Тут как ни вертись, а не отвертись: приходится выбирать между Цецилией рабочего дома и Харитой буржуазии, а выбрать рабочий дом у меня духу не хватает. Я же вам говорю: я запуган. Я сдался. Меня купили. Другие счастливицы будут вывозить мой мусор и получать с меня на чай, а я буду смотреть на них и завидовать. И во всем этом виноват ваш сын. *(Волнение мешает ему продолжать.)* Миссис Хиггинс. Ну, я очень рада, мистер Дулиттл, что вы приняли такое благоразумное решение. Тем самым разрешается вопрос о будущем Элизы. Теперь вы можете о ней заботиться.

Дулиттл *(с меланхолической покорностью судьбе)*. Да, мэм. Я теперь обо всех должен заботиться – все на эти три тысячи в год.

Хиггинс *(вскакивая)*. Чепуха! Он не может о ней заботиться. Он не будет о ней заботиться. Она не его. Я заплатил ему за нее пять фунтов. Дулиттл, вы честный человек или вы мошенник?

Дулиттл *(кратко)*. И того и другого понемножку, Генри. Как все мы: и того и другого понемножку.

Хиггинс. Ну так вот: вы взяли за эту девушку деньги – значит, вы не имеете права забирать ее обратно.

Миссис Хиггинс. Генри! Перестань говорить глупости. Если ты хочешь знать, где Элиза, я скажу тебе. Она здесь, наверху.

Хиггинс *(пораженный)*. Наверху! О, так она у меня живо спустится вниз! *(Решительно направляется к двери.)*

Миссис Хиггинс *(встает и идет за ним)*. Успокойся, Генри. Сядь, пожалуйста.

Хиггинс. Я...

Миссис Хиггинс. Сядь, мой милый, и слушай, что я тебе скажу.

Хиггинс. Ах, ну хорошо, хорошо, хорошо! *(Бросается на тахту и не слишком любезно поворачивается спиной ко всем.)* Только все-таки вы могли бы сказать мне об этом полчаса тому назад.

Миссис Хиггинс. Элиза пришла сюда рано утром. Она часть ночи металась по улицам, не помня себя от обиды; часть провела у реки – хотела утопиться, но не решилась; часть – в отеле Карлтон. Она мне рассказала, как грубо вы оба с ней обошлись.

Хиггинс *(снова вскакивая)*. Что-о?

Пикеринг *(также вскакивая)*. Дорогая миссис Хиггинс, она наговорила вам глупостей. Никто с ней грубо не обходился. Мы вообще почти с ней не разговаривали и расстались самыми лучшими друзьями. *(Обернувшись к Хиггинсу.)* Хиггинс, может быть, у вас с ней что-нибудь вышло, когда я ушел спать?

Хиггинс. Не у меня с ней, а у нее со мной. Она запустила в меня туфлями. Она вела себя совершенно возмутительно. Я ей не давал к этому ни малейшего повода. Я только открыл дверь, как обе туфли полетели мне в лицо. Даже слова не успел сказать. А потом она еще говорила всякие гадости.

Пикеринг *(недоумевающе)*. Но почему? Что мы ей сделали?

Миссис Хиггинс. Мне кажется, я понимаю, что вы сделали. Девушка, по-видимому, от природы очень чувствительна. Верно, мистер Дулиттл?

Дулиттл. Золотое сердце, мэм. Вся в меня.

Миссис Хиггинс. Ну вот, видите. Она очень привязалась к вам обоим. Она так старалась для тебя, Генри! Ты даже не представляешь, чего для такой девушки должна

стоять умственная работа. И вот, когда миновал великий день испытания и она выполнила свою трудную задачу без единого промаха, вы пришли домой и, не обращая на нее никакого внимания, уселись толковать о том, как хорошо, что все уже кончилось, и как это вам все надоело. И ты еще удивляешься, что она запустила в тебя туфлями? Я бы в тебя кочергой запустила на ее месте.

Хиггинс. Мы только говорили, что устали и хотим спать, больше ничего. Ведь верно, Пик?

Пикеринг (*пожимая плечами*). Решительно ничего.

Миссис Хиггинс (*с иронией*). Вы уверены?

Пикеринг. Абсолютно уверен. Больше ничего.

Миссис Хиггинс. Вы не поблагодарили ее, не похвалили, не приласкали, ничего не сказали о том, как блестяще она провела свою роль.

Хиггинс (*нетерпеливо*). Но это все она и сама знает. Да, мы не произносили поздравительных речей – если вы это хотите сказать.

Пикеринг (*чувствуя угрызения совести*). Пожалуй, в самом деле, мы были немножко невнимательны. Она очень сердится?

Миссис Хиггинс (*усаживается в свое кресло за письменным столом*). Боюсь, что она не захочет вернуться на Уимпол-стрит, в особенности сейчас, когда благодаря мистеру Дулиттлу она может сохранить то положение, которое вы ей навязали. Но она говорит, что готова все забыть и встретиться с вами, как с добрыми знакомыми.

Хиггинс (*с яростью*). Ах, вот как? Скажите!

Миссис Хиггинс. Если ты обещаешь вести себя прилично, Генри, я сейчас попрошу ее сюда. А если нет, иди домой: ты уже отнял у меня достаточно времени.

Хиггинс. Ладно. Хорошо. Вы слышали, Пик? Ведите себя прилично. Достанем из сундука наши лучшие воскресные манеры ради этой девчонки, которую мы подобрали в уличной грязи! (*Сердито бросается в елизаветинское кресло.*)

Дулиттл (*укоризненно*). Но, но, Генри Хиггинс! Вы совсем не щадите мои чувства почтенного буржуа.

Миссис Хиггинс. Помни, Генри: ты обещал. (*Нажимает кнопку звонка на письменном столе.*) Мистер Дулиттл, будьте добры, пройдите пока на балкон. Мне не хочется, чтобы Элиза узнала о перемене в вашей судьбе, прежде чем она помирится с этими двумя джентльменами. Вы не возражаете?

Дулиттл. С удовольствием, мэм. Что угодно, лишь бы помочь Генри избавить меня от нее. (*Выходит на балкон.*)

На звонок является горничная. Пикеринг садится на место Дулиттла.

Миссис Хиггинс. Попросите, пожалуйста, мисс Дулиттл сюда.

Горничная. Слушаю, мэм. (*Выходит.*) Миссис Хиггинс. Смотри, Генри... Хиггинс. По моему, я себя веду идеально. Пикеринг. Он делает все, что может, миссис Хиггинс.

Пауза. Хиггинс откидывает голову назад, вытягивает ноги и принимается насвистывать.

Миссис Хиггинс. Генри, милый, тебе совсем не идет эта поза.

Хиггинс (*подобрав ноги и выпрямившись*). А я и не забочусь о том, что мне идет.

Миссис Хиггинс. Это не важно, милый. Мне просто нужно было, чтоб ты заговорил.

Хиггинс. Почему?

Миссис Хиггинс. Потому что, когда ты говоришь, ты не можешь свистеть.

Хиггинс издает стон. Новая весьма томительная пауза.

Хиггинс (*вскакивает, потеряв терпение*). Да где же эта чертова девчонка? Что нам, целый день ее дожидаться?

Входит Элиза, сияющая, спокойная; в ее непринужденной манере нельзя заподозрить ни малейшей фальши. В руках у нее рабочая корзинка, и она явно чувствует себя здесь как дома. Пикеринг до того потрясен, что даже не встает ей навстречу.

Элиза. Здравствуйтесь, профессор Хиггинс. Как ваше здоровье?

Хиггинс (*задохнувшись*). Как мое... (*Он больше не может.*)

Элиза. Вероятно, хорошо? Ведь вы никогда не болеете. Полковник Пикеринг, очень рада вас видеть.

Он поспешно встает и пожимает ей руку.

Прохладно сегодня с утра, не правда ли? (*Садится слева; Пикеринг садится рядом с ней.*)

Хиггинс. Вы бросьте со мной ломать комедию. Я сам вас этому выучил, и на меня не действует. Вставайте, идем домой, и не будьте душой.

Элиза вынимает из корзинки вышиванье и принимается за работу, не обращая ни малейшего внимания на его вспышку.

Миссис Хиггинс. Прелестно, Генри! Право, прелестно! Какая женщина может устоять против такого приглашения?

Хиггинс. А вы ей не помогайте, мама. Пускай сама говорит. Сразу увидите, найдется ли у нее хоть одна мысль, которую не я вложил ей в голову, хоть одно слово, которое не я научил ее произносить. Я, я сам сделал это существо из пучка гнилой моркови с Ковентгарденского рынка, а теперь она осмеливается разыгрывать со мной знатную леди!

Миссис Хиггинс (*умиротворяюще*). Да, да, мой милый, но, может быть, ты все-таки сядешь?

Хиггинс садится, с силой стукнув креслом.

Элиза (*Пикерингу, по-прежнему не замечая Хиггинса и проворно водя иглой*). Теперь вы меня больше знать не захотите, полковник Пикеринг, – эксперимент закончен...

Пикеринг. Не надо. Не говорите об этом только как об эксперименте. Мне неприятно это слышать.

Элиза. Правда, я всего лишь пучок гнилой моркови...

Пикеринг (*порывисто*). О нет!

Элиза (*невозмутимо продолжая*). ...но я вам стольким обязана, что мне было бы очень грустно, если б вы совсем меня забыли.

Пикеринг. Я очень рад это слышать, мисс Дулиттл.

Элиза. Не потому, что вы платили за мои наряды. Я знаю, что денег вам ни для кого не жаль. Но именно от вас я научилась хорошим манерам, а ведь это и отличает леди от уличной девчонки, не правда ли? Мне очень трудно было этому научиться, постоянно находясь в обществе профессора Хиггинса. Я ведь с детства привыкла себя держать в точности, как держит себя он: шуметь, кричать, ругаться за каждым словом. И я так и не узнала бы, что среди джентльменов и леди принято вести себя иначе, если б не вы.

Хиггинс. О!!!

Пикеринг. Но это ведь у него просто как-то так выходит. Он ничего такого не думает.

Элиза. Вот и я ничего такого не думала, когда была цветочницей. Это у меня просто так выходило. Но я это делала, вот что важно.

Пикеринг. Вы правы. Но все-таки это он научил вас правильно говорить; я бы этого не мог сделать, знаете.

Элиза (*небрежно*). Ну что ж – ведь это его профессия.

Хиггинс. А, дьявольщина!

Элиза (*продолжая*). Это все равно что научить человека танцевать модные танцы, не более того. А вы знаете, когда по-настоящему началось мое воспитание?

Пикеринг. Когда?

Элиза (*оставив свое вышиванье*). В ту минуту, когда вы назвали меня мисс Дулиттл... я тогда только что пришла на Уимпол-стрит. Это впервые пробудило во мне уважение к себе. (*Она снова берется за иглу.*) И потом были еще сотни мелочей, которых вы даже не замечали, потому что для вас это было естественно. Ну вот то, что вы вставали, говоря со мной, что вы снимали передо мной шляпу, что вы никогда не проходили первым в дверь...

Пикеринг. Но это же все пустяки.

Элиза. Да, но эти пустяки показывали, что вы относитесь ко мне иначе, чем, скажем, к

судомойке; хоть я уверена, что и с судомойкой вы вели бы себя точно так же, если б она случайно очутилась в гостиной. Вы никогда не снимали при мне ботинок в столовой.

Пикеринг. Вы не должны обижаться на это. Хиггинс всюду снимает ботинки.

Элиза. Я знаю. Я его не виню. Это у него просто так выходит, не правда ли? Но для меня так много значило, что вы этого никогда не делали. Видите ли, помимо тех вещей, которым всякий может научиться, – уменье хорошо одеваться, и правильно говорить, и все такое, – леди отличается от цветочницы не тем, как она себя держит, а тем, как с ней себя держат. Для профессора Хиггинса я всегда останусь цветочницей, потому что он себя со мной держит как с цветочницей; но я знаю, что для вас я могу стать леди, потому что вы всегда держите себя со мной как с леди.

Миссис Хиггинс. Пожалуйста, Генри, не скрежещи зубами.

Пикеринг. Право, я очень, очень рад это все слышать, мисс Дулиттл.

Элиза. Теперь мне бы хотелось, чтоб вы меня называли Элизой, если вы не возражаете.

Пикеринг. Благодарю вас. С удовольствием буду называть вас Элизой.

Элиза. И еще мне хотелось бы, чтобы профессор Хиггинс называл меня мисс Дулиттл.

Хиггинс. Сдохнете – не дождетесь!

Миссис Хиггинс. Генри! Генри!

Пикеринг *(со смехом)*. Отвечайте ему в таком же духе, Элиза. Не молчите. Ему это будет полезно.

Элиза. Не могу. Раньше я могла так разговаривать, но теперь – нет. Вчера ночью, когда я бродила по улицам, какая-то девушка заговорила со мной; я хотела ей ответить по-старому, но у меня ничего не вышло. Помните, вы как-то говорили мне, что ребенок, попавший в чужую страну, в несколько недель привыкает к чужому языку, а свой родной забывает? Вот я – такой ребенок в вашей стране. Я забыла свой родной язык и могу теперь говорить только на вашем. С Тоттенхем-Корт-Род покончено навсегда. Именно теперь, когда я покинула Уимпол-стрит.

Пикеринг *(в сильной тревоге)*. Но ведь вы же вернетесь на Уимпол-стрит? Вы простите Хиггинса?

Хиггинс *(поднимаясь)*. Простите?! Она меня будет прощать, а! Пускай уходит. Пускай попробует прожить одна. Без меня она через три недели скатится обратно в уличную канаву.

В среднем окне появляется Дулиттл. Бросив на Хиггинса укоризненный и полный достоинства взгляд, он бесшумно подходит к дочери, которая стоит спиной к окнам и поэтому не видит его.

Пикеринг. Он неисправим, Элиза. Но ведь вы не скатитесь, правда?

Элиза. Нет. Теперь уже нет. Я хорошо заучила свой урок. Теперь я уже не могу издавать такие звуки, как раньше, даже если б хотела.

Дулиттл сзади кладет ей руку на плечо.

(Она роняет вышиванье, оглядывается, и при виде отцовского великолетия вся ее выдержка сразу испаряется.) У-у-аааа-у!

Хиггинс *(торжествующе)*. Ага! Вот, вот! У-у-ааа-у! У-у-аааа-у! Победа! Победа! *(Разваливается на угловом диванчике, скрестив руки на груди.)*

Дулиттл. Зря вы девушку обижаете. Не смотри на меня так, Элиза. Я не виноват. У меня, понимаешь, деньги завелись.

Элиза. Видно, тебе на этот раз миллионер подвернулся?

Дулиттл. Угадала. Но я сегодня разделся для особого случая. Еду сейчас в церковь святого Георгия на Ганноверсквер. Твоя мачеха выходит за меня замуж.

Элиза *(сердито)*. Ты унизишься до женитьбы на этой простой, вульгарной бабе?

Пикеринг *(мягко)*. Это его долг, Элиза. *(Дулиттлу.)* Но почему она изменила свое решение?

Дулиттл *(печально)*. Запугана, хозяин. Запугана, как и все мы. Буржуазная мораль требует жертв. Надевай шляпу, Элиза, поедешь посмотришь, как твоего отца окручивать будут.

Элиза. Если полковник находит, что так нужно, я... я... *(чуть не со слезами)* я пойду на это. И в награду, вероятно, еще наслушаюсь оскорблений.

Дулиттл. Можешь не бояться. Она, бедняга, теперь ни с кем уже не лается. Как попала в почтенные, так сразу присмирела.

Пикеринг *(слегка сжимая локоть Элизы)*. Не огорчайте их, Элиза. Будьте умницей.

Элиза *(силясь улыбнуться ему, несмотря на свое раздражение)*. Ну хорошо, я поеду, только чтобы показать, что я не злопамятна. Подожди меня минутку. *(Выходит.)*

Дулиттл *(усаживаясь рядом с Пикерингом)*. Что-то я, знаете, робею перед этой церемонией, полковник. Может, вы поедете тоже, чтоб придать мне духу?

Пикеринг. Но ведь вам это не впервые, друг мой. Венчались же вы с матерью Элизы?

Дулиттл. Кто это вам сказал?

Пикеринг. Собственно мне никто не говорил. Просто я... естественно было предполагать...

Дулиттл. Нет, полковник, вовсе это не естественно. Это только так принято у буржуазии. А я всегда поступал так, как принято у недостойных. Только вы Элизе не говорите. Она не знает: я из деликатности никогда не говорил ей.

Пикеринг. И правильно делали. Если не возражаете, мы просто не будем вспоминать об этом.

Дулиттл. Ладно, полковник; а теперь вы поедете со мной в церковь и поможете мне благополучно справиться с этим делом.

Пикеринг. С удовольствием. Если только я, как холостяк, могу вам быть полезен.

Миссис Хиггинс. А меня вы не приглашаете, мистер Дулиттл? Мне бы очень хотелось быть на вашей свадьбе.

Дулиттл. Сочту за честь, мэм, если вы нас удостоите. А уж хозяйка моя не будет знать, куда деваться от радости. Она все грустит, бедняга, что кончилось наше счастливое житье.

Миссис Хиггинс *(вставая)*. Так я велю подавать экипаж, а сама пойду одеваться.

Мужчины, кроме Хиггинса, встают.

Я не задержу вас больше чем на четверть часа. *(Идет к двери и на пороге сталкивается с Элизой; та уже в шляпе и застегивает перчатки.)* Элиза, я тоже еду в церковь. Вам удобнее ехать со мной, а полковник Пикеринг будет сопровождать жениха.

Миссис Хиггинс выходит. Элиза останавливается посреди комнаты, между окнами и тахтой. Пикеринг подходит к ней.

Дулиттл. Жених! Вот это слово! От него как-то сразу становится ясно, на что идешь. *(Берет свой цилиндр и направляется к двери.)*

Пикеринг. Ну, Элиза, пока я еще не ушел... простите Хиггинса и обещайте вернуться к нам.

Элиза. Боюсь, что папа мне не позволит. Правда, папочка?

Дулиттл *(он опечален, но исполнен великодушия)*. Они тебя здорово разыграли, Элиза, эти два шутника. Если бы ты имела дело с одним, уж он бы от тебя не ушел. Но, понимаешь, вся штука в том, что их было двое и один вроде как бы оберегал другого. *(Пикерингу.)* Хитро придумано, полковник. Но я на вас не в обиде: я бы и сам так сделал. Всю мою жизнь меня тиранили женщины, одна за другой; так что, если вам удалось провести Элизу, – не возражаю. Я в это дело вмешиваться не буду. Ну, полковник, пора нам ехать. Будьте здоровы, Генри. Элиза, увидимся в церкви. *(Выходит.)*

Пикеринг *(умильно)*. Не покидайте нас, Элиза. *(Идет вслед за Дулиттлом.)*

Элиза выходит на балкон, чтобы не оставаться наедине с Хиггинсом. Он встает и идет за ней. Она тотчас же снова входит в комнату и направляется к двери, но он, пробежав по балкону, успевает опередить ее и загоразживает ей дверь.

Хиггинс. Ну, Элиза, вы уже немножко посчитались со мной, как вы выражаетесь. Может быть, хватит теперь? Может быть, вы, наконец, образумитесь? Или вам еще мало?

Элиза. А зачем я вам нужна? Только для того, чтобы подавать вам туфли, и сносить все ваши капризы, и быть у вас на побегушках?

Хиггинс. Я вовсе не говорил, что вы мне нужны.

Элиза. Ах, вот как? В таком случае о чем вообще разговор?

Хиггинс. О вас, а не обо мне. Если вы вернетесь на Уимпол-стрит, я буду обращаться с вами так же, как обращался до сих пор. Я не могу изменить свой характер и не желаю менять свое поведение. Я веду себя точно так же, как полковник Пикеринг.

Элиза. Неправда. Полковник Пикеринг с цветочницей обращается как с герцогиней.

Хиггинс. А я с герцогиней обращаюсь как с цветочницей.

Элиза. Понимаю. *(Спокойно отворачивается от него и садится на тахту, лицом к окнам.)* Со всеми одинаково.

Хиггинс. Вот именно.

Элиза. Как мой отец.

Хиггинс *(с улыбкой, немного смягчившись)*. Я не вполне согласен с этим сравнением, Элиза, но все же признаю, что ваш отец далек от снобизма и легко свыкается с любым положением, в которое его может поставить его прихотливая судьба. *(Серьезно.)* Секрет, Элиза, не в уменье держать себя хорошо или плохо или вообще как бы то ни было, а в уменье держать себя со всеми одинаково. Короче говоря, поступать так, будто ты на небе, где нет пассажиров третьего класса и все бессмертные души равны между собой.

Элиза. Аминь. Вы прирожденный проповедник.

Хиггинс *(раздраженно)*. Вопрос не в том, плохо ли я с вами обращаюсь, а в том, видали ли вы, чтобы я с кем-нибудь обращался лучше.

Элиза *(в неожиданном порыве искренности)*. Мне все равно, как вы со мной обращаетесь. Можете ругать меня, пожалуйста. Можете даже бить: колотушками меня не удивишь. Но *(встает и подходит к нему вплотную)* раздавить я себя не позволю.

Хиггинс. Так уходите с дороги, останавливаться из-за вас я не буду. Что вы обо мне так говорите, как будто я автобус?

Элиза. Вы и есть автобус: прете себе вперед, и ни до кого вам дела нет. Но я и без вас могу обойтись; вот увидите, что могу.

Хиггинс. Я знаю, что вы можете. Я вам сам это говорил.

Элиза *(оскорбленная, отодвигается на другой конец тахты и поворачивается лицом к камину)*. Я знаю, что вы говорили, бессердечный вы человек. Вы хотели избавиться от меня.

Хиггинс. Врете.

Элиза. Спасибо. *(С достоинством выпрямляется.)*

Хиггинс. Вам, конечно, не пришло в голову спросить себя, могу ли я без вас обойтись?

Элиза *(внушительно)*. Пожалуйста, не старайтесь улестить меня. Вам придется без меня обойтись.

Хиггинс *(надменно)*. И обойдусь. Мне никто не нужен. У меня есть моя собственная душа, моя собственная искра божественного огня. Но *(с неожиданным смирением)* мне вас будет недоставать, Элиза. *(Садится на тахту рядом с ней.)* Ваши idiotские представления о вещах меня все-таки кое-чему научили, я признаю это и даже благодарен вам. Потом я как-то привык к вашему виду, к вашему голосу. Они мне даже нравятся.

Элиза. Что ж, у вас есть мои фотографии и граммофонные записи. Когда соскучитесь обо мне, можете завести граммофон, – по крайней мере без риска оскорбить чьи-нибудь чувства.

Хиггинс. В граммофоне я не услышу вашей души. Оставьте мне вашу душу, а лицо и голос можете взять с собой. Они – не вы.

Элиза. О, вы настоящий дьявол! Вы умеете ухватить человека за самое сердце, как другой хватает за горло, чтобы придушить. Миссис Пирс предупреждала меня. Сколько раз она собиралась уйти от вас, и всегда в последнюю минуту вам удавалось ее улестить. А ведь она вас ни капельки не интересуется. Точно так же, как не интересую вас я.

Хиггинс. Меня интересуется жизнь, люди, а вы – кусок этой жизни, который попался мне на пути и в который я вложил частицу самого себя. Чего еще вы можете требовать?

Элиза. Тот, кого я не интересую, никогда не будет интересовать меня.

Хиггинс. Ну, это торгашеский принцип, Элиза. Все равно что *(с профессиональной точностью воспроизводит ее ковентгарденский акцент)* фиялочки придавать.

Элиза. Не кривляйтесь, пожалуйста. Как вам не стыдно передо мной кривляться?

Хиггинс. Я в своей жизни никогда не кривлялся. Кривлянье не идет ни человеческому лицу, ни человеческой душе. Я просто выражаю свою справедливую ненависть к торгашеству. Для меня чувства никогда не были и не будут предметом сделки. Вы меня назвали бессердечным, потому что, подавая мне туфли и отыскивая мои очки, вы думали купить этим право на меня, – и ошиблись. Глупая вы, глупая! По-моему, женщина, которая подает мужчине туфли, – это просто отвратительное зрелище. Подавал я вам когда-нибудь туфли? Вы гораздо больше выиграли в моих глазах, когда запустили в меня этими самыми туфлями. Вы рабски прислуживаете мне, а потом жалуетесь, что я вами не интересуюсь: кто ж станет интересоваться рабом? Хотите вернуться ради добрых человеческих отношений – возвращайтесь, но другого не ждите ничего. Вы и так получили от меня в тысячу раз больше, чем я от вас; а если вы осмелитесь сравнивать ваши собачьи поноски с сотворением герцогини Элизы, я просто захлопну дверь перед вашим глупым носом.

Элиза. А зачем же вы делали из меня герцогиню, если я вас не интересую?

Хиггинс *(простодушно)*. Как зачем? Это ведь моя работа.

Элиза. Вы даже не подумали о том, сколько беспокойства вы причиняете мне.

Хиггинс. Мир не был бы сотворен, если б его творец думал, как бы не причинить кому-нибудь беспокойства. Творить жизнь – и значит творить беспокойство. Есть только один способ избежать беспокойства: убивать. Вы замечаете, что трус всегда радуется, когда убивают беспокойных людей?

Элиза. Я не проповедник, и я ничего такого не замечаю. Я замечаю только одно: что вы не замечаете меня.

Хиггинс *(вскакивая и принимаясь гневно шагать по комнате)*. Элиза, вы идиотка. Я зря трачу сокровища моего мильтоновского духа, выкладывая их перед вами. Поймите раз навсегда: я иду своим путем и делаю свое дело, и при этом мне в высокой степени наплевать на то, что может произойти с любым из нас. Я не запуган, как ваш отец и ваша мачеха. А потому выбирайте сами: хотите – возвращайтесь, не хотите – идите ко всем чертям.

Элиза. Ради чего мне возвращаться?

Хиггинс *(становится на тахте на колени и наклоняется к Элизе)*. Единственно ради собственного удовольствия. Так же, как и я затеял всю эту свою возню с вами ради собственного удовольствия.

Элиза *(не глядя на него)*. А завтра, если я не буду делать все, что вам нравится, вы меня выкинете на улицу?

Хиггинс. Да, а если я не буду делать все, что вам нравится, вы от меня уйдете.

Элиза. И буду жить с мачехой?

Хиггинс. Да, или продавать цветы.

Элиза. Ах, если б я только могла взяться опять за свою корзинку с цветами! Я бы не зависела ни от вас, ни от отца, ни от кого на свете! Зачем вы отняли у меня мою независимость? Зачем я согласилась на это! Теперь я только жалкая раба, несмотря на все мои наряды.

Хиггинс. Ничего подобного. Хотите, я удочерю вас или положу на ваше имя деньги. А может быть, вы хотите выйти замуж за Пикеринга?

Элиза *(с яростью поворачивается к нему)*. Я даже за вас не пошла бы замуж, если б вы меня попросили; а уж вы мне по возрасту больше подходите, как он.

Хиггинс *(терпеливо)*. Больше, чем он, а не больше, как он.

Элиза *(вскакивает, окончательно выйдя из себя)*. Буду говорить так, как мне нравится. Вы мне больше не учитель.

Хиггинс *(задумчиво)*. Хотя Пикеринг едва ли согласится. Он такой же закоренелый холостяк, как и я.

Элиза. Очень мне это нужно! Вы и не воображайте. Если я захочу выйти замуж,

охотники всегда найдутся. Вон Фредди Эйнсфорд Хилл пишет мне по три письма в день, страниц на десять каждое.

Хиггинс (*неприятно пораженный*). Вот нахал мальчишка! (*Он наклоняется назад и, потеряв равновесие, садится на пятки.*)

Элиза. Он имеет полное право писать мне, раз ему хочется. Он так меня любит, бедный мальчик.

Хиггинс (*слезая с тахты*). Но вы не имеете права поощрять его. Элиза. Каждая девушка имеет право на то, чтоб ее любили. Хиггинс. Кто? Такие дураки?

Элиза. Фредди вовсе не дурак. А если он слабенький и бедный и я нужна ему, наверно я с ним буду счастливее, чем с теми, кто лучше меня и кому я не нужна.

Хиггинс. Да, но сумеет ли он из вас что-нибудь сделать? Вот в чем вопрос.

Элиза. Может быть, я из него сумею что-нибудь сделать. Но я вообще никогда не думаю о таких вещах; это вы только о них и думаете. Я хочу быть такой, как я есть. Хиггинс. Короче, вы хотите, чтобы я таял перед вами, как тает

Фредди? Да?

Элиза. Глупости. Совсем не такое чувство мне от вас нужно. Но вы напрасно так уж уверены в себе и во мне. Я могла бы быть очень нехорошей, если б захотела. Я в жизни видела много такого, о чем вы и понятия не имеете, несмотря на всю вашу ученость. Девушке вроде меня ничего не стоит завлечь джентльмена так, чтоб он в нее влюбился. Только от такой любви назавтра смотреть друг на друга тошно. Хиггинс. Конечно тошно. Но из-за чего же мы тогда ссоримся,

черт подери?

Элиза (*взволнованно*). Мне хочется ласкового слова, внимания. Я знаю, я простая, темная девушка, а вы джентльмен и ученый; но все-таки я ведь человек, а не пустое место. Если я чего делала (*спешит поправиться*), если я что-нибудь делала, так это не за платье и не за такси; я делала это потому, что нам было хорошо вместе, и я... я... ну, немножко привязалась к вам; не так, чтобы завлекать вас или забыть, кто вы и кто я, но просто по-дружески.

Хиггинс. Ну да, конечно. И я то же самое чувствую. И Пикеринг тоже. Элиза, вы дура.

Элиза. Это не ответ. (*Садится в кресло у письменного стола, на глазах у нее слезы.*)

Хиггинс. Другого не ждите, пока не перестанете валять дурака. Если вы желаете стать леди, вам прежде всего нужно отделаться от представления, что все мужчины, которых вы знаете, должны всю свою жизнь либо вздыхать у ваших ног, либо угощать вас колотушками, – а если этого нет, вы чувствуете себя обиженной. Если такая жизнь, какой живу я, – деятельная и свободная от страстей, – вам не по душе, возвращайтесь в свою канаву. Трудитесь, пока не потеряете облик человеческий, а потом свернитесь клубочком, поворчите немного, выпейте виски и засните. Ах, приятная жизнь в канаве! Вещественная, теплая, крепкая, даже самую толстую кожу прошибает! Чтобы чувствовать ее запах и цвет, не нужно ни знаний, ни усилий. Не то, что наука, или литература, или классическая музыка, или философия, или искусство. По-вашему, я эгоист, ледышка, человек без сердца? Вот и чудесно: ступайте к тем, которые вам нравятся. Выберите себе в мужья какого-нибудь чувствительного борова с тугим кошельком, который будет целовать вас толстыми губами и дубасить толстой палкой. Не умеете ценить то, что у вас есть, так пусть у вас будет то, что вы цените.

Элиза (*в отчаянии*). Жестокий вы, злой человек. Я не могу с вами разговаривать: вы все поворачиваете против меня, я всегда выхожу неправа. Но ведь вы сами отлично знаете, что вы просто мучитель и больше ничего. Вы знаете, что я не могу, как вы говорите, вернуться в канаву и что у меня в сущности никого не свете нет, кроме вас и полковника. Вы знаете, что после вас мне тяжело будет ужиться с простыми, вульгарными людьми; и это очень нехорошо с вашей стороны – говорить, будто я могу выйти замуж за такого. Вы думаете, что мне придется вернуться на Уимпол-стрит, потому что к отцу я не хочу, а больше мне некуда пойти. Вам кажется, что я уже лежу на земле и остается только наступить

на меня и растоптать. Но погодите радоваться. Я выйду замуж за Фредди – вот что я сделаю, – как только у него будет достаточно денег, чтобы жениться.

Хиггинс (*усаживаясь рядом с ней*). Вздор! Вы выйдете замуж за иностранного посла. Вы выйдете за генерал-губернатора Индии, или за ирландского лорда-наместника, или за какого-нибудь принца, которому нужна королева-регентша. Я не допущу, чтобы мой шедевр достался какому-то Фредди.

Элиза. Вы хотите сказать мне приятное, но я не забыла того, что вы говорили две минуты тому назад; я не ребенок и не щенок, и меня нельзя купить кусочком сахара. Если уж мне отказывают в ласковом слове, я по крайней мере сохраню независимость!

Хиггинс. Независимость! Это кощунственная выдумка буржуазии. Мы все зависим друг от друга, все живые люди.

Элиза (*решительно вставая*). А вот увидите, завишу я от вас или нет! Если вы годитесь в проповедники, то я гожусь в учительницы. Буду давать уроки.

Хиггинс. Какие же это вы будете давать уроки?

Элиза. Такие, какие вы давали мне. Уроки фонетики.

Хиггинс. Ха-ха-ха!

Элиза. Пойду в ассистентки к профессору Непину.

Хиггинс (*вскакивая в неистовстве*). Что-о? К этому шарлатану? К этому старому дураку? К этому невежде и подхалиму? Выдать ему мои методы, мои открытия! Посмейте только шаг ступить, я вам шею сверну. (*Хватает ее за плечи.*) Слышите?

Элиза (*демонстративно не пытаясь сопротивляться*). Можете. Мне все равно. Я так и знала, что рано или поздно вы меня начнете бить.

Он выпускает ее, взбешенный собственной несдержанностью, и так стремительно отступает назад, что, споткнувшись, падает с размаху на свое прежнее место на тахте.

Ага! Теперь я знаю, как с вами обращаться! Какая же я была дура, что не догадалась раньше. Тех знаний, которые я от вас получила, вам уже не отнять обратно. Вы сами говорили, что слух у меня тоньше, чем у вас. И кроме того, я умею быть с людьми вежливой и приятной, чего вы не умеете. Ага! Теперь вы попались, Генри Хиггинс, теперь вы попались! Теперь все ваши насмешки и все ваши умные слова для меня вот чего стоят! (*Прищелкивает пальцами.*) Я дам объявление в газеты, что ваша герцогиня – это девчонка-цветочница, которой вы давали уроки, и что под ее руководством каждая может стать герцогиней – курс шесть месяцев, плата тысяча гиней! Боже мой, когда я только подумаю, как я пресмыкалась перед вами, а вы топтали меня, и ругали, и мучили, – и все это время мне стоило только пальцем шевельнуть, чтоб сбить с вас спесь, – я бы, кажется, задушила себя.

Хиггинс (*глядя на нее с изумлением*). Ах вы дерзкая, нахальная девчонка! Но это ничего, это хорошо, гораздо лучше, чем хныкать или подавать туфли и отыскивать очки, верно? (*Вставая.*) Черт подери, Элиза, я ведь сказал, что я из вас сделаю женщину, – и я сдержал слово. Вы мне нравитесь такая.

Элиза. Да, да, теперь вы будете хитрить и подлизываться, когда увидите, что я вас не боюсь и могу без вас обойтись.

Хиггинс. Конечно, несносная вы дурочка. Пять минут тому назад вы были жерновом у меня на шее. Теперь вы – крепостная башня, броненосец-консорт. Вы, я и Пикеринг... мы теперь будем не просто двое мужчин и одна глупая девушка, а три дружных старых холостяка.

Возвращается миссис Хиггинс, уже одетая для выезда. Элиза тотчас же замыкается в светскую холодность.

Миссис Хиггинс. Элиза, экипаж подан. Вы готовы?

Элиза. Вполне. А профессор не едет?

Миссис Хиггинс. Конечно, нет. Он не умеет вести себя в церкви. Он все время громко критикует произношение священника.

Элиза. Значит, мы больше не увидимся, профессор. Всего хорошего. (*Идет к двери.*)

Миссис Хиггинс (*подходя к Хиггинсу*). До свидания.

Хиггинс. До свидания, мама. *(Хочет поцеловать ее, но вдруг спохватывается.)* Да, кстати, Элиза, на обратном пути закажите копченый окорок и головку стилтоновского сыру. Потом зайдите к Илу и Бинмэну и купите мне пару замшевых перчаток восьмой номер и галстук к моему новому костюму. Цвет выберите по своему вкусу. *(Его веселый, беспечный тон показывает ясно, что он неисправим.)*

Элиза *(презрительно)*. Можете купить сами. *(Выплывает из комнаты.)*

Миссис Хиггинс. Боюсь, что вы избаловали девушку, Генри. Но ты не огорчайся, милый, я куплю тебе галстук и перчатки.

Хиггинс *(сияя)*. Нет, нет, не беспокойся. Она все купит, как я сказал. До свидания.

Целуется с матерью. Миссис Хиггинс быстро выходит. Хиггинс, оставшись один, звенит мелочью в кармане, посмеиваясь с лукавым видом; совершенно очевидно, что он вполне доволен собой.

ПРИМЕЧАНИЯ

Комедия была создана в 1912 г.; Бернард Шоу написал роль Элизы Дулитл специально для мисс Патрик Кэмпбел, своей любовницы, в разгар их бурного романа. Пьеса впервые прошла в Вене (премьера состоялась 16 октября) и Берлине (1 ноября), на английской сцене была поставлена 11 апреля 1914 г., – главную женскую роль сыграла Патрик Кэмпбел.

Впоследствии пьеса была с успехом экранизирована (1938). По мотивам «Пигмалиона» в 1956 г. Фредерик Лоу создал популярный мюзикл «Моя прекрасная леди».

Являясь одной из наиболее удачных пьес Шоу, она в течение следующих десятилетий многократно ставилась в различных театрах мира. Пользовалась комедия большим успехом также и в России; на русской сцене впервые поставлена в петроградском Михайловском театре (апрель 1915).

